

Александр Гидони
ДИЦЦИ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

Leo
2021

Але Гидони

ДИЦЦИ

Фантастическая повесть

Дици
повесть 1950 года

1.

Как Томас Герн сделался инженером

— Так будет лучше, мой мальчик, — задумчиво и медленно сказал Силас Герн и затаился при этом из своей кривой, почерневшей, трубки.

Старый фермер сам походил на эту трубку — до такой степени он высох и сморщился. Его длинная худая шея была обвита сетью синих вздувшихся вен, и такая же сеть покрывала его ревматические со скрюченными пальцами руки.

В трубке что-то зашипело. Когда трубка успокоилась, шипенье возобновилось глубже, в груди Силаса.

— Д-да, — работать на ферме — тяжелая штука. Можешь поверить старому Силасу. В городе гораздо легче выдвинуться. Вот, я и решил послать тебя туда, мой мальчик, чтобы ты чему-нибудь выучился.

Он снова замолчал — и снова пустил облако дыма в воздух.

— Но, разумеется, это должно быть что-нибудь путное, а не какая-нибудь глупость. Я убедился, что в нашей стране главная сила не в ферме, а в фабрике. Да, это совершенно ясно.

— Но, дядя, — попытался возразить маленький Томас, стоявший на вытяжку около стола.

— Молчи! Я знаю, что говорю. Конечно, рабочие зарабатывают хорошо. Пока есть работа, они воображают себя господами. Но когда наступает «slack» (остановка в работе), они

валяются на улице. И всю свою жизнь они остаются рабочими — не больше. Точно так же, как и я сам. Всю свою жизнь я прожил грязным фермером, так и умру. Правда, работал я все-таки не даром. По крайней мере, из тебя сделаю человека.

— Но, дядя, — сказал мальчик. — Я, ведь, совсем не хочу уезжать отсюда. Мне и здесь достаточно хорошо.

— Молчи, когда я говорю. Я лучше тебя знаю, что делать. Ты поедешь в город, сначала будешь посещать среднюю школу, потом перейдешь в университет и сделаешься инженером.

Томас заплакал. Он подумал о птичьем дворе, который находился под его надзором и в котором он знал не только каждую курицу, но и ее точный вес и манеру класть яйца.

Куры знали Томаса так же хорошо и были бы, вероятно, не мало опечалены, если бы догадались, о чем шла речь.

— Какой же ты еще глупец, — проворчал Силас, но в душе он был доволен. «Мальчик любит меня», подумал он и громко сказал:

— Это решено. Завтра ты поедешь в город.

Силас сдержал свое слово.

Томас Герн окончил школу, поступил в университет и вышел из него инженером-механиком. В качестве такового он поступил на службу на огромный завод, принадлежавший «Стальному тресту», с еженедельным окладом в пятьдесят долларов.

Когда Силас Герн получил от своего племянника письмо с этим известием, он подумал: «Немного. Но ведь это только начало».

2.

Томасу Герну не везет

Пока Томас Герн: учился в университете, он делал все, чтобы оправдать оказанное ему Силасом доверие.

Это был, действительно, «толковый малый».

Правда, не во всех отраслях науки проявлял он одинаковые способности, но все же им заинтересовались и даже наградили его стипендией «Теории машиностроения».

При окончании курса он считался одним из самых способных студентов.

Директором завода, на который поступил Томас, был мистер О'Гара. Мистер О'Гара не имел ни малейшего понятия об университете. Он начал свою карьеру много лет тому назад простым мастером.

Но мистер О'Гара имел в запасе «шанс», и этот «шанс» заключался в том, что директором завода в то время был тоже ирландец.

Директору завода чрезвычайно понравились услужливость, сообразительность и — в первую очередь — благонадежность мистера О'Гара.

И когда однажды О'Гара обратил внимание правления на то обстоятельство, что для уменьшения трения приводных ремней было бы лучше заменить шестиугольные винты овальными, сам председатель треста удостоил его благосклонного взгляда. А

спустя пять лет ему доверили пост директора того завода, на который позднее поступил Томас Герн.

Томас Герн горел желанием применить свои знания на практике, облегчить и усовершенствовать производственную технику.

Целые ночи напролет проводил он над планами новых машин и орудий.

Наступили года тяжелой упорной работы, в полнейшем одиночестве и удалении от мира.

Единственный человек, с которым Томас делился впечатлениями от своей работы, был старый Силас.

Почти каждую неделю Силас Герн получал подробные письма, нередко с пояснительными чертежами на полях.

«Я не понимаю в этом решительно ничего», говорил в таких случаях Силас, взволнованно покуривая свою трубку, — но потом, смягчаясь, добавлял: «Но что за ловкий парень».

И наконец-то Томас добился своей цели.

Он изобрел машину, которая должна была удвоить рабочую силу человека и гарантировать рабочим полную безопасность.

С этим изобретением он отправился к О'Гара.

Бывший мастер бросил беглый взгляд на чертежи — результат двухлетней напряженной работы — и спросил:

— Что это должно означать?

— Посмотрите, пожалуйста, мистер О'Гара. Эта машина требует вдвое меньше рабочей силы, чем наши машины. Кроме того, совершенно исключается возможность несчастных или смертных случаев среди рабочих.

— Сколько она будет стоить?

— Примерно, около двухсот тысяч.

Из-под опухших век мистера О'Гара на Томаса блеснул ядовитый зеленый взгляд.

Директор расхохотался.

— Вы мечтатель, мистер Герн. Нам понадобится полмиллиона, чтобы заменить старые машины новыми. Да и к чему это? Рабочая сила пока что сравнительно дешева.

— Да, но эта машина безопасна...

— Как?.. (О'Гара помолчал). Мой дорогой сэръ, советую вам бросить все это и больше заботиться о своих собственных делах.

С этого дня О'Гара возненавидел Томаса и старался повредить своему подчиненному всеми возможными средствами.

О'Гара раздражало сознание своей собственной ограниченности и невежества по сравнению с Терном.

Итак, Томасу Терну не везло — целых двенадцать лет.

Его характер сильно изменился к худшему.

Он стал нелюдим, недоверчив и раздражителен.

3. О смерти Силаса о жарком лете и об упрямом осле

В продолжение двенадцати лет с того времени, как Томас Герн покинул ферму и поступил на завод, он ни разу не имел возможности поехать в отпуск к Силасу.

Это может случиться только в Америке, где, как известно, личная жизнь и человеческие чувства всецело подчинены делу и работе.

Томас не был исключением из этого общего правила.

Школа мистера О'Гара совершенно его переродила.

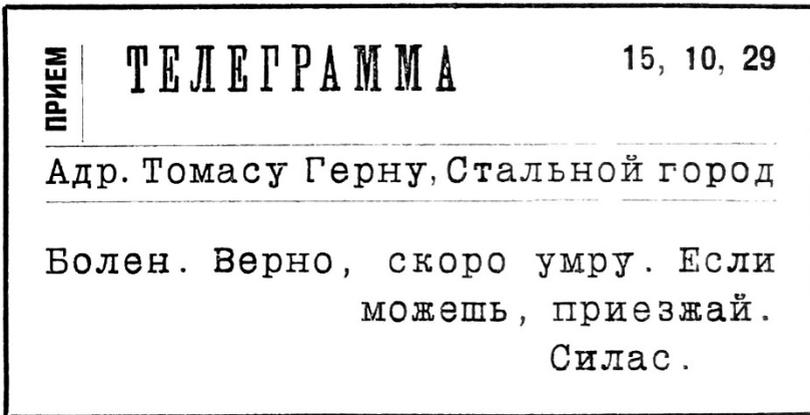
После своего переезда в город Томас превратился в аккуратного, молчаливого, уравновешенного человека, считавшего всякое проявление человеческого чувства излишней роскошью.

Все голоса жизни замерли в нем, как в бездонном, темном колодце, за исключением железной силы воли и унаследованной от дяди веры в «шанс».

В ожидании этого «шанса», каждое утро, с точностью будильника, Томас вставал и отправлялся на фабрику.

Строю гигиенический образ жизни охранял его от заболеваний и дал ему возможность, в продолжение многих лет, не пропустить ни одного часа работы.

Томас ждал «шанса». Трудно установить, долго ли продолжалось бы это ожидание, если бы в один прекрасный день он не получил телеграммы:

Томас взял отпуск и уехал; с первым курьерским поездом.

Встреча дяди с племянником после стольких лет разлуки носила очень странный характер.

Томас смотрел на сморщенного старика, утопавшего, казалось, в огромных белоснежных подушках и покрывалах двуспальной кровати, и думал:

«Силас все такой же, как прежде. Только еще более высох. Но почему он лежит в постели?»

Детские воспоминания Томаса сохранили образ всегда подвижного, занятого или посасывающего свою трубку Силаса.

Томас никогда не видел своего дядю в постели. Силас вставал всегда на рассвете, когда Томас в сладкой дремоте еще видел последние сны.

Больной старик, в свою очередь, вглядывался в лицо племянника и никак не мог узнать в этом корректном чиновнике с тонкими всегда сжатыми губами, серым лицом и глубоко ввалившимися глазами, скрытыми под чудовищными тяжелыми роговыми очками, маленького Томаса.

Оба, и дядя и племянник, хотели сказать друг другу что-то очень важное и нужное, о чем оба они часто думали в течение многолетней разлуки.

Но они не знали, как начать — и молчали.

За час до смерти, приближение которой Силас мог отгадать по тихому разговору Томаса с врачом, старик, долгое время лежавший лицом к стене, повернулся на другой бок и прохрипел:

— Мальчик, слышишь ты меня, мальчик?

— Я здесь, — ответил Томас.

— Я думаю, дело идет к концу.

— Но, Силас...

— Молчи, когда я говорю... Словом, все, что ты здесь видишь, и кое-что в банке принадлежат тебе... Что ты говоришь?

— Я ничего не сказал.

— Хорошо. Итак, все это, — говорю я, — принадлежит тебе. Может быть, ты вернешься сюда? На ферме, кажется, все-таки лучше, чем в городе, не правда ли?

— Я подумаю об этом.

— Подумай.

И Силас умер.

Час спустя после похорон Томас уже не знал, как провести на ферме оставшееся время.

Он навестил птичий двор, но куры были ему незнакомы, зашел в конюшню; там стояли лошади, которых он не мог вспомнить.

И только в одном стойле он заметил осла, в котором признал ослика Дицци, появившегося на свет за три дня до его отъезда в город.

Томас Герн наметил следующий план: оседлать осла и осмотреть унаследованную от Силаса недвижимость.

Дицци был самый обыкновенный осел. Со спокойными глазами, которые глядели задумчиво и серьезно, пренебрегая житейской суетой и мечтая о первоначальной истине и смысле бытия, с лохматыми бабками, с протертой от седла и сбруи шкурой и печальным, тонким, покорным хвостом.

День был жаркий, как и надлежит быть июньскому дню на юге.

Томас Герн целый час трясся на ослике по выжженной солнцем дороге.

Неожиданно поднялся резкий и сильный ветер. Дорога метнула, словно в порыве веселья, уличной пылью прямо в лицо Томасу.

Герн ударил осла каблуком, чтобы скорей выбраться из облака пыли.

Но, как известно, ослы, эти по существу солидные и положительные животные, обладают одним, чисто человеческим: свойствам, а именно: упрямством.

К величайшему раздражению всадника осел решил вдруг забастовать.

Дицци остановился на месте, как вкопанный. В этой борьбе двух крепколобых Томас Герн потерпел позорное поражение.

Он слез, с осла и решил отдохнуть на краю молодой рощицы, в стороне от дороги.

Пятилетние деревца бросали только слабую тень и не могли спасти от неистового солнечного зноя.

Тень обманула Томаса. С его бледного лба пот струился ручьями. Он чувствовал, как зной прожигает его до костей.

Дицци, привязанный к кусту, обмахивался хвостом и моргал глазами.

В конце концов терпение Томаса Герна лопнуло. Он решил возвратиться пешком на ферму. Намереваясь встать, он оперся ладонью о голую землю.

Кожа почувствовала влагу.

«Откуда это?» подумал Гертн и приблизил комок земли к своим близоруким глазам.

Но земля не была влажная. Она была жирная.

«Нефть», промелькнуло в голове Герта.

Это была, действительно, нефть.

Спустя две недели Томас Гертн продал ферму и взял все деньги из банка. Общая сумма составляла свыше 75 тысяч долларов. На эти деньги он скупил все содержавшие нефть участки земли, расположенные вокруг бывших владений Силаса Герта.

Через три года имя Томаса Герта фигурировало в списке нефтяных королей.

А через десять лет Томас Гертн сделался самым богатым человеком в Америке.

В этом помог ему Дицци.

4.

О необыкновенном завещании мистера Томаса Герна и о других вещах

Никто уже не делал покупок в магазинах. Никто не стоял перед витринами.

Лавочная торговля прекратила свое существование. Все закупалось по радиотелеграфу у «Треста почтовых заказов»; все без исключения, начиная с картофеля и кончая океанскими пароходами.

Газетчики исчезли с улицы. Газет уже не читали, их слушали и смотрели.

Книги еще читались, но в очень ограниченном количестве: люди не желали портить себе глаза. И даже школьники крайне неохотно употребляли карандаш и перо. Их обучали устно.

Из ста учеников народной школы едва ли один имел ясное представление о том, как выглядит лошадь или корова, так как коровы водились где-то далеко, на юге, а лошади, в которых никто не нуждался, постепенно вымирали.

Воробьи, продавались, как редкостные птицы.

Духовным центром эпохи сделался радиозэкран — необыкновенно болтливая и надоедливая машина, соединение радио с фильмой.

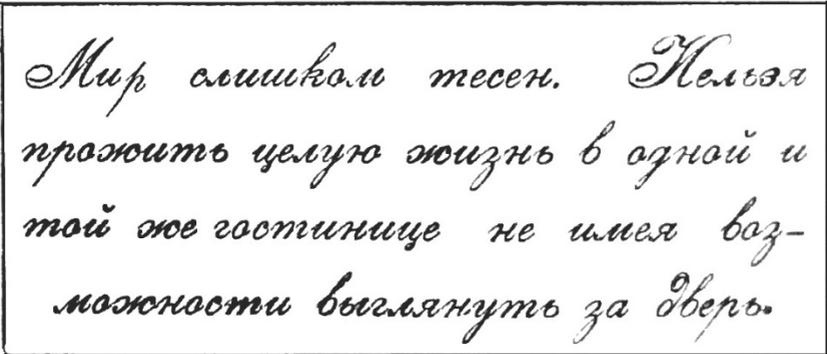
Во всякое время, днем и ночью, радиофильмы забивали головы людей всевозможным вздором — от биржевых известий до последней новинки сезона, созданной какой-либо прославленной художницей мод.

Каменный уголь еще применялся для отопления. Но им пользовались только последние бедняки. Состоятельные люди отапливали свои дома нефтью.

Автомобильное сообщение сменилось воздушным.

Автомобили применялись только для транспорта грузов.

Перелет из Нью-Йорка в Москву длился не более грех часов. Многие любители воздушного спорта облетали вокруг света три-четыре раза в год. Однажды статистика отметила самоубийство одного чудака, оставившего следующую записку:

*Мир слишком тесен. Нельзя
прожить целую жизнь в одной и
той же гостинице не имея воз-
можности выглянуть за дверь.*

Весь мир разделился на четыре индустриальных союза.

Американский индустриальный союз (бывшие Соединенные Штаты, Мексика, Гондурас, Никарагуа и т. д.) принадлежал четырем финансовым королям.

Самым могущественным из них был Томас Герн, председатель Аэрорадиотреста, треста почтовых заказов и продовольственного треста.

Томасу Герну удалось добиться такого неслыханного могущества только благодаря тому, что он с большим упорством и крупными деловыми способностями соединял также солидную научную подготовку.

Эта подготовка позволяла ему с величайшей точностью высчитывать будущие доходы от всякого нового изобретения, от всякого нового патента, которые выбрасывались на рынок.

Томас Герн покупал новые патенты с безошибочностью счетной машины и немедленно пускал их в оборот.

Ой работал непрерывно, как и прежде, но только с той разницей, что в качестве молодого инженера на определенном вознаграждении он был занят от восьми до десяти часов в день, теперь же — почти четырнадцать.

Он стал еще более молчаливым и замкнутым. В особенности после изобретения радио-экрана,

Избавившего его от необходимости без особых надобностей встречаться с людьми.

Его подчиненные часто наблюдали, как он говорил сам с собой, и объяснили это тем, что он боится позабыть звук собственного голоса.

По приказу Томаса Герна во всех принадлежавших ему учреждениях, в которых работало свыше двенадцати миллионов человек, были отменены имена и фамилии.

Каждый служащий получал взамен особый номер.

Единственным живым существом, сохранившим в пределах владений Томаса Герна свое имя, был Дицци. Он жил в то время в великолепной, отделанной мрамором конюшне с огромным количеством слуг.

Томас Герн также утратил свое имя.

Его называли просто «шефом».

Подчиненные скоро привыкли ко всем особенностям своего начальника, за исключением одной.

В свободные часы Томас Герн отправлялся с визитом к Дицци и проводил целые часы один в обществе осла.

Заведующий конюшней уверял, что во время этих посещений шеф разговаривал с Дицци так, словно осел был «президентом страны».

Эта странность превосходила, конечно, всякие вероятия.

Но еще больше было общее удивление, когда после смерти шефа, найденного однажды утром мертвым в постели (он умер от удара), главные директора вскрыли его завещание. Оно гласило следующее:

«Так как я когда-нибудь умру и по закону имею право распорядиться всем своим имуществом, то, по-видимому, мне надлежит оставить некоторые последние распоряжения.

Всю жизнь я прожил в убеждении, что работаю на чью-нибудь пользу и благополучие.

Я делал то или другое, считая это полезным или необходимым. И только теперь, при мысли о том, как распорядиться скопленным мной состоянием, я чувствую искреннее огорчение, так как оно бесполезно и излишне.

Частная или общественная благотворительность никогда не отвечали моим вкусам.

Частная благотворительность создает нищих, а даяния на общее благо приводят только к воровству.

Кроме того, ни один человек, за исключением Силаса Герна, который уже умер, не помог мне ни разу в жизни. Из каких соображений стал бы я помогать другим?

Я не имею также намерения оставить мое состояние правительству. Это было бы самым глупым решением вопроса, так как все правительства, которые я только могу вспомнить, состояли из лакеев, с собачьей жадностью заглядывавших мне в глаза, в ожидании лакомого куска.

Я не испытываю никаких родственных чувств. Я даже не знаю, есть ли у меня какие-нибудь родственники. У меня к ним так же мало

интереса, как было и у них ко мне, когда я служил инженером и зарабатывал пятьдесят долларов в неделю.

Я думал также о том, чтобы завещать все мое состояние на научные цели, на распространение технических знаний, на постройку целого ряда научных учреждений, на подготовку ученых — словом, на так называемый прогресс человечества. Но эта мысль возбудила во мне еще большее отвращение.

Что такое прогресс? Не что иное, как капля творческой фантазии, с трудом просачивающейся сквозь болото человеческой косности.

Но победить эту косность невозможно. Я знаю это так же хорошо, как и то, что нахожусь в здравом уме и твердой памяти.

Я подтверждаю здесь коротко и ясно: я, Томас Герн, не забочусь ни в малейшей степени о других и о том, что с ними будет после моей смерти.

Я знаю только одно исключение из этого общего правила: это мой приятель, друг, советчик и товарищ — Дицци.

Это он в момент счастливого упрямства помог мне открыть источники нефти, положившие начало моему богатству.

Все мои труды, мое научное образование, весь мой талант изобретателя не могли сделать из неудачника Томаса Герна — счастливица.

Сделал это Дицци — Дицци, который не окончил университета, не познал тяжести подчиненного положения на заводе, не подвергался в течение десятилетий насмешкам и пренебрежению.

Когда я, ученый глупец, ударил его каблуком в бок, Дицци дал мне урок сначала личного достоинства, потом великодушного прощения.

Ибо кто, кроме Дицци, подарил бы чужому и мало знакомому человеку миллионы?

В течение моей дальнейшей жизни Дицци был моим лучшим советчиком, потому что он никогда не говорил глупостей,

Поистине, он был моим настоящим другом. Только ложный стыд мешал мне признаться в этом.

Я даже не имею права приписать рост моего богатства моим личным заслугам: трудно заработать только первый миллион. Остальные достаются легко даже ослу. У меня же вышло как раз наоборот: Дицци создал первый миллион; все, что сделал я, ограничилось тем, что я не препятствовал дальнейшему росту моего богатства.

Я твердо убежден, что после моей смерти Дицци сумеет распорядиться этим богатством не хуже меня самого.

Основываясь на этом, я завещаю все мое движимое и недвижимое имущество, где бы оно ни находилось и в чем бы ни заключалось, ослу Дицци. Я надеюсь, что отсутствие метрики у Дицци не послужит к

этому препятствием, хотя считаю отсутствие свидетельств о рождении для четвероногих ослов крупным пробелом в законодательстве нашей страны.

Назначая, таким образом, Дицци своим законным наследником, я завещаю, чтобы меня похоронили рядом с моим дядей Силасом Герном и внесли в кассу церковной общины, членом которой состоял мой дядя, десять миллионов долларов для сохранения наших могил на вечные времена.

Я требую от всех моих служащих и подчиненных полного уважения и абсолютного послушания по отношению к их новому начальнику, который везде и во всем, на всех заседаниях и во всех управлениях займет место Томаса Герна. В случае непослушания служащие будут уволены в двадцать четыре часа. Я оставил соответствующие распоряжения моему душеприказчику инженеру Робуру.

Предполагая, что Дицци едва ли оставит после себя законных наследников, настоящим объявляю, что в случае его смерти мое наследство со всем возможным к тому времени приростом перейдет в коллективное владение всех служащих, имена которых в момент смерти Дицци будут значиться в списках оставшихся после меня предприятий.

Таким образом, их собственные интересы должны внушить им полное повиновение распоряжениям, сделанным в этом завещании.

Томас Герн».

Это завещание вызвало мировую сенсацию.

Судебная палата назначила чрезвычайное заседание для рассмотрения завещания Томаса Герна.

На это заседание съехалось свыше двух тысяч корреспондентов со всех концов мира.

5. Без Дицци, но с судьями, адвокатами и 76 родственниками

Это произошло в жаркий июньский день. В такой же точно день Томас Герн сделал свое счастливое открытие.

В маленьком помещении мирового суда первого полицейского участка города Радиополиса собралось необычайное количество людей.

Здесь были главные директора герновских предприятий, родственники покойника (выяснилось, что их всего 76 человек), адвокаты и немалое число бездельников, которые не нашли ничего лучшего, как заинтересоваться судьбой миллионов Томаса Герна.

Окна зала заседаний были открыты, но, несмотря на это, в комнате царил та гнетущая тепличная атмосфера, которая возможна только в американских городах, где слишком много домов, вещей и людей.

По этой причине господа адвокаты расстегнули свои воротники и жилеты и распустили пояса своих брюк.

Их профессиональная подвижность и суетливость сделались вследствие этого еще невыносимее.

Еще задолго до появления судьи они вступили в спор о предстоящем процессе и кричали при этом друг на друга резко и отрывисто, что считается во всем мире характерным признаком для глухонемых, в Америке же является общим для всех приемом, — чтобы перекричать неистовый шум подземных железных дорог, хрипло хрюкающих автомобилей и визжащих трамваев.

Из-под жилетов почтенных представителей адвокатского сословия вылезали свернувшиеся жгутом сорочки. Брюки проявляли мало интереса к полемике своих хозяев и медленно, но верно скользили вниз.

Время от времени, адвокаты привычным движением руки водворяли брюки на надлежащее место, не прерывая при этом своего спора.

Вокруг адвокатов теснились все 76 родственников.

Среди последних находились:

Ветеран испанской войны 1898 года.

Девица с очень строгим взглядом (основательница новой веры).

Импресарио боксерских состязаний.

Прогоревший трактирщик.

Две молодые дамы без определенных занятий (актрисы без ангажемента) и т. д., и т. д., все в том же роде.

Ветеран, которому по его собственному показанию было свыше ста лет, проявлял, тем не менее, большую предприимчивость. Он держал все время руку около уха, вытягивал свою взъерошенную голову и задавал то одному, то другому все тот же вопрос:

— Как? Что? Я не понимаю.

Ему повторяли то, о чем он спрашивал. Он снова не понимал.

Основательница новой веры как раз прервала, по деловым соображениям, свое турне, во время которого неопровержимо

доказывала, опираясь на откровение св. Иоанна, что все население Американского индустриального союза может спокойно прекратить свои занятия и посвятить себя посту и молитве. Она безапелляционно утверждала, что ровно через два месяца и четыре дня Спаситель снова появится в этом мире и тогда все дела потеряют, разумеется, всякий смысл. Во-первых, потому, что второе пришествие Спасителя означает приближение страшного суда, во-вторых, потому, что господь сам обо всем позаботится.

Ее внимательно слушали, вздыхали и покидали зал за пять минут до окончания лекции, чтобы проникнуть в гардероб без очереди.

Но турне протекало все же с большим успехом и продолжалось бы наверно без перерывов, если бы телеграмма адвоката не вызвала ее на судебный процесс.

Основательница новой веры села в ближайший курьерский поезд, и второе пришествие Спасителя осталось висеть в воздухе.

Незадачливый трактирщик вынужден был закрыть свое заведение из-за кризиса сбыта крепких напитков, последовавшего за изобретением нового безалкогольного напитка (New-stuff). Этот напиток, не заключающий в себе никаких вредных для здоровья составных частей, в то же время доводил до полного опьянения.

Трактирщик был чрезвычайно болтлив и неспособен сосредоточиться на одной мысли; поэтому он часто терял всякий интерес к своим адвокатам и обращался с горькими жалобами к совершенно посторонним людям.

— Но рассудите же сами! Где же справедливость? New-stuff был разрешен, так как он не содержит алкоголя и не отравляет организма. Но кого это касается, если люди все равно напиваются и ведут себя по-свински, как после настоящей водки? Будьте уверены, «их» подкупили.

Можно было подумать, что это говорит не трактирщик, а член общества трезвости.

Самым веселым из всех родственников Томаса Герна был несомненно импресарио боксерских состязаний, которому, впрочем, не очень-то везло в ело предприятиях. «Чемпионы» часто не находили в кассе ни гроша и избивали ело в таких случаях до полусмерти (кассу он обычно отправлял в безопасное место, пока еще было время). Импресарио был большим поклонником бокса, и его возмущал не столько самый факт избияния, сколько то, что оно производилось не по воем правилам искусства.

После каждого избияния он внимательно рассматривал зеленые и синие пятна, с математической точностью украшавшие его лицо, и всегда говорил: — Кто же так бьет? Мне достаточно сказать одно слово, и «его» вообще не допустят к борьбе.

Но веры в самого себя он не терял никогда. Он был молод и любил хорошеньких женщин.

Поэтому он увивался около обеих молодых дам без определенных занятий, намереваясь представиться им в качестве дальнего кузена.

Но холодны и презрительны были встречавшие его взгляды.

Дело в том, что молодые дамы рассчитывали немедленно после получения миллионов отплыть в Европу и выйти там замуж за графов или князей.

Судебный пристав, маленький старик с бабьим лицом, тройными складками на затылку и вздутыми губами, при виде которых делалось кисло во рту, встал и проворчал на весь зал:

— Встать! Суд идет.

Появился судья в черной мантии.

Это был очень старый судья.

Его гладко выбритое розовое лицо было покрыто множеством симметрично расположенных складочек и морщин, благодаря

чему получалось впечатление, будто он накинул на лицо стеганый халат и потом позабыл его снять.

Кукольный носик и такие же кукольные голубые глазки украшали лицо судьи.

Скудные волосики на голове прикрывали его розовую опрятную лысину.

Чистота этих волосиков и этой лысины могла безусловно обратить к раскаянию самых жестокосердых преступников, если бы только они были способны к раскаянию.

Но они не были способны к раскаянию. Об этом говорили жестокие, плотно сжатые губы судьи. Его верхняя губа, словно вылепленная из гипса, с трудом поднималась вверх и оставляла впечатление, будто это не человеческий рот, а вновь изобретенная диктовальная машина, более точная, чем все судебные протоколы.

— Заседание открыто. Слушается дело о наследстве покойного Томаса Герна.

6.

Как Дицци победил 76 родственников

Судья прочел завещание Томаса Герна.

Его слушали не очень внимательно, так как содержание завещания бесчисленное количество раз опубликовывалось в прессе и пережевывалось на все лады.

«Эксцентричность» покойного архимиллионера сделалась даже предметом особых споров, в которых принимали участие выдающиеся ученые, писатели и юристы всего мира.

Последние за высокий гонорар сообщали до радиотелеграфу свои мнения относительно главного пункта всех споров:

Законно ли и выполнимо ли завещание Томаса Герна?

К сожалению, мнения по этому поводу разделились.

С тем большим интересом ожидали приговора судьи, который должен был положить конец всем спорам.

После прочтения завещания слово было предоставлено истцам — в лице адвокатов, защищавших интересы обиженных родственников Томаса Герна.

Первым выступил защитник основательницы новой веры — один из самых знаменитых юристов Американского индустриального союза.

В своей искусно построенной речи он старался убедить судью в том, что последняя воля Томаса Герна невыполнима, так как противная сторона, т. е. Дицци, не принадлежит к категории лиц, обладающих правом законного выполнения юридических актов.

«Дицци невозможно, — сказал адвокат, — причислить даже к категории лиц, права которых временно ограничены законом, то есть к несовершеннолетним и малолетним, так как закон, устанавливающий это ограничение, оговаривает, вместе с тем, его временный характер. В делах несовершеннолетних и малолетних обычно предусматривается опека, но эта опека отменяется, как только наследник достигает совершеннолетия.

На каком основании? Очевидно потому, что нормально развивающаяся личность достигает в этом возрасте той степени развития своих духовных способностей и воли, на которой ей открывается возможность самостоятельно распоряжаться оставленным ей имуществом.

Но, во-первых, противная сторона не есть нормально развитая личность — и даже позволительно сомневаться, является ли мистер... гм., гм (адвокат запнулся намеренно) мистер Дицци вообще личностью. На этот вопрос я должен решительно ответить: «нет». Понятие личности неприменимо по отношению к противной стороне.

Нет также ни малейшей надежды, что мой противник даже к моменту полной человеческой... (адвокат поправился) физиологической зрелости сможет превратиться в мыслящего члена человеческого общества».

Затем адвокат сослался на словарь Вебстера, британскую энциклопедию и целый ряд научных сочинений по зоологии и с

педантичной точностью установил различие между понятиями «человек» (*homo sapiens*) и «осел» (*asinus americanus*).

После этого он перешел к социальной стороне вопроса и указал на полную невозможность предоставить четвероногому существу, не обладающему, как известно, сознательной волей, управление огромными материальными богатствами, от целесообразного употребления которых зависит судьба миллионов человеческих существ.

Как представитель интересов основательницы новой веры он считает излишним доказывать, что те-же самые миллионы в ее руках будут употреблены на более высокие цели, чем (после паузы, медленно и выразительно) — под копытом осла.

Остается добавить только одно. Завещание Герна — при всем уважении, которое вызывает к себе личность покойного, противоречит во всех отношениях так называемым добрым нравам, необходимость которых для каждого члена цивилизованного общества едва ли нуждается в доказательстве.

Основываясь на всех этих соображениях, знаменитый адвокат сделал вывод, что завещание Томаса Герна невыполнимо и антиобщественно.

Это завещание является свидетельством того, что его автор, Томас Герт, в момент изъявления своей последней воли был уже не только эксцентричен (эксцентричность в известной мере свойственна многим и сама по себе еще не является преступлением), но — и это совсем другое дело — не вполне вменяем.

На этом основании он просит признать завещание во всех отношениях недействительным.

Все 76 родственников пришли после речи знаменитого адвоката в бурный экстаз и выразили свое воодушевление горячими аплодисментами.

Они успокоились только после того, как судья пригрозил удалить их из зала.

— Здесь не кино! — закричал он на них.

От имени душеприказчика инженера Робура выступил молодой и совершенно неизвестный адвокат. Небывалый радикализм в построении его аргументации произвел на судью определенно неблагоприятное впечатление.

Защитник инженера Робура — и, следовательно, защитник Дицци — высказал взгляд, что понятие нормально развитой человеческой личности очень относительно.

Опытные науки точно установили, что провести границу между нормально и ненормально развитым интеллектом невозможно.

По статистическим данным ученых психиатров от 1924 года умственные способности нормально развитого американца не превышали в среднем духовного уровня тринадцатилетнего ребенка.

Едва ли можно предположить, что за истекшее с тех пор время этот средний уровень повысился более, чем на один-полтора года.

С другой стороны, как это уже раньше доказал знаменитый ученый Геккель на конгрессе естествоиспытателей в Кембридже, расстояние, отделяющее первобытного человека от человекообразной обезьяны, значительно меньше расстояния между нормальным представителем человеческого рода и «ненормальными людьми», вроде Шекспира, Гете, Ньютона и других.

Что может служить доказательством правоспособности какого-либо индивидуума?

Принадлежность этого индивидуума, с точки зрения гражданского права, к какому-либо получившему интернациональное признание государственному единству.

Правда, до сих пор четвероногие ни разу не обнаруживали намерения заявить свои гражданские и политические права.

Но право не может быть аннулировано только потому, что оно с чьей-либо стороны не было использовано — если только дело не идет о правах, утративших силу по давности.

Аргументация истца заслуживала бы внимания, если бы законодательство нашей страны уравнило всех представителей человеческого рода и даровало им предпочтение перед всеми другими представителями животного мира.

Но там, где домашний скот живет нередко в лучших условиях, чем негры, где каждая полицейская собака имеет право въезда в страну, в котором отказано желтокожему, было бы бессмысленно ссылаться на правовые преимущества человека перед другими животными.

Судья рассердился. Речь молодого адвоката задела его за живое, так как он считал себя типом нормально развитого американца, и оценка адвокатом умственных способностей этого типа сильно ему не понравилась.

«Отсюда можно заключить, что у меня рассудок четырнадцатилетнего бездельника», подумал он, и сильно откашлялся. Затем он придумал пустяшный предлог, чтобы прервать речь адвоката.

— Все это совершенно не относится к делу. Это только философия, и к тому же вы бессовестно ее искажаете. Поближе к делу, пожалуйста. На какой закон вы ссылаетесь в целях опровержения иска? Я спрашиваю: закон — где этот закон?

Все родственники торжествовали, чувствуя уже миллионы Томаса Герна в своих карманах.

Дело бедного Дицци казалось безнадежно погибшим, как вдруг у него объявились неожиданные союзники.

Выговор судьи, видимо, ошеломил адвоката. Он заикаясь пробормотал еще что-то и сел на свое место.

Судья не сказал больше ни слова, поправил очки и уткнул нос в бумаги.

Затем он прокашлялся и объявил:

— Защиту прав наследования церкви «Благовещения» и принадлежащего ей общинного кладбища взяли на себя его преподобие Джон Меррик и пастор, доктор Бенъямин Ландис.

Все 76 родственников были сильно расстроены появлением перед, судом двух пасторов.

Правда, адвокаты подготовили их к этому, но родственники обладали достаточным житейским опытом, чтобы оценить по достоинству выступление таких противников.

Когда церковь выступает в защиту своих собственных интересов против частных лиц, последним не приходится ждать ничего хорошего.

Особенно, когда судья верующий и в решительной борьбе между противниками сам боится небесного судьи, перед которым он, земной судья, рано или поздно должен будет выступить с ответом.

А судья, от которого зависело решение в деле завещания Томаса Герн, был образцом всех консервативных добродетелей — в том числе и глубоко верующим человеком.

Несмотря на серьезное настроение, господствовавшее в зале суда, появление обоих пасторов, поднявшихся со своих мест, вызвало взрыв бурного веселья.

Трудно было представить себе более резкий контраст, чем контраст между его преподобием Джоном Мерриком и доктором богословия Бенъямином Ландисом.

Первый был человек гигантского телосложения с четырехугольными, немного согнутыми плечами. Его большой

толстый череп был покрыт зарослью взъерошенных волос, которые очень напоминали молодой сосновый лесок после сильной бури.

По его загорелому, кофейного цвета лицу тянулись две глубокие морщины от углов рта до подбородка.

В остальном лицо его преподобия Джона Меррика напоминало бульдога, страдающего апатией и старческой слабостью. Преподобный Джон Меррик был фундаменталист¹.

Доктор богословия Бенъямин Ландис рядом со своим старшим коллегой производил впечатление недоноска, хотя он и достигал средней пуговицы жилета его преподобия. Пастор Ландис носил respectable, безусловно сидевший на нем сюртук, и его скучающее благодушное лицо, в котором все было строго пропорционально и находилось на надлежащем месте, напоминало рекламного юношу с плаката: «Честерфильдские сигареты».

Доктор Ландис был модернист².

— Ваше превосходительство,— прогремел голос его преподобия Джона Меррика. — Наша церковь и кладбищенская администрация уполномочили меня защищать неприкосновенность и полное выполнение завещания высокочтимого члена нашей общины Томаса Герна.

Мистер Томас Герт был не только гордостью нашей общины, — он был гордостью всей нации. С божьей помощью и своими собственными силами он содействовал процветанию нашей страны более всякого другого гражданина нашего штата. Его карьера — это не подлежит никакому сомнению — является

¹ Приверженец ортодоксальной протестантской церкви.

² Сторонник либеральной протестантской церкви.

самым достопримечательным событием после прибытия «Майфловера»¹. Он достиг такого высокого положения, опираясь единственно на очевидное благоволение господ бога и свои собственные моральные и религиозные принципы.

Судья слушал эту речь с напряженным вниманием. «Это я понимаю», думал он.

— Защитник последней воли нашего дорогого покойника осветил все относящиеся сюда вопросы с юридической стороны. Что остается добавить мне, скромному служителю церкви? — При этом его преподобие бросил укоризненный взгляд своих неподвижных глаз на ветерана испанской войны, сидевшего скорчившись на скамье.

— Все, на что я могу здесь сослаться, — это основные принципы церкви, морали и здравого человеческого рассудка.

Истцы очень недовольны завещанием мистера Томаса Герна, так как львиная часть его состояния выпадает на долю ос... (его преподобие быстро поправился), создания, во многих отношениях отличного от нас. Законный наследник мистера Герна не является членом человеческого общества.

Меня интересует только один вопрос: как это дело было бы решено церковным судом?

На основании Евангелия, которое выше всех писанных и неписанных законов, что ваше превосходительство, конечно, не будет оспаривать, нет ни малейшей возможности усомниться в

¹ «Майфловер» пристал 1620 году к восточному берегу Северной Америки. Его экипаж состоял из кучки искателей приключений. Они были пуританами, что, по-видимому, не помешало им оставить небывалое количество потомков. Если судить по числу американских аристократов, сто процентов всех американцев ведут происхождение от «отцов-пилигримов».

завещании покойного мистера Герна. Ведь наш господь и спаситель пострадал на земле не только во искупление наших грехов, но и ради спасения всего живущего на земле.

На этом основании, в средние века, когда христианская добродетель стояла выше, чем в настоящее время, и истинная вера еще не служила мишенью для насмешек и издевательств, как это нередко случается теперь, всякое живое существо, как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве, считалось ответственным не только субъективно, но и объективно. Ваше превосходительство, я могу сослаться здесь на ряд судебных процессов во Франции, на которых обвинение возбуждалось против полевых мышей, истреблявших крестьянские посевы.

Я могу сослаться также на другой процесс времен инквизиции, на котором петух был обвинен в ереси за то, что он снес куриное яйцо. Петух был проклят церковью и передан светским судьям, которые привели приговор в исполнение. Он был сожжен на костре.

Я знаю, что мои доказательства не имеют большого значения для представителей современных, якобы научных, эволюционных теорий (при этом его преподобие Джон Меррик взглянул не слишком благосклонно на пастора Ландиса). Но я утверждаю, что наши предки знали, что делали.

Поэтому, я полагаю, что, если полевая мышь могла отвечать перед гражданским судом, а петух, оскорбивший божий закон, понес заслуженное наказание по уголовным законам, то же самое может случиться с любым живым существом, в том числе и с отпрыском рода:

asinus americanus.

Но, кто подвергается небесным и земным карам, тот удостоивается и небесного милосердия. Святой Франциск Ассизский называл быков и коров «братьями и сестрами во Христе». Поэтому я прошу, ваше превосходительство, по глубочайшему убеждению, и, надеюсь, не оскорбляя никого из нас, сотворенных по образу и подобию божию, справедливого приговора для нашего брата во Христе — Дицци. Этого требует как небесная, так и земная справедливость.

Все заметили, что горячая речь преподобного Джона Меррика растрогала судьбу.

Затем взял слово доктор богословия Беньямин Ландис.

Как модернист и свободомыслящий доктор Ландис всегда стоял за полную согласованность церковных и научных воззрений. Поэтому от него никак нельзя было ожидать ссылок на священное писание и каноническое право. Доктор Ландис осветил вопрос с диаметрально противоположной стороны.

Он сказал:

— Мне нечего прибавить к тому, что его преподобие, досточтимый Джон Меррик высказал в отношении Евангелия и канонического права. Но я осмелюсь утверждать, что, несмотря на все разногласия, существующие между его преподобием и мной по разным теологическим вопросам, о споре в отношении завещания Томаса Герна не может быть и речи.

Я полагаю, — нет, я позволю себе утверждать — нет, я позволю себе настаивать, что между догматической концепцией веры и ее научным обоснованием нет никакой разницы.

Теория эволюции в ее научной форме не стоит ни в каком противоречии к религиозной идее богочеловека, который своими страданиями принес спасение всему живущему на земле.

Его преподобие Джон Меррик блестяще доказал, что Дицци имеет совершенно такое же право на небесное милосердие, как и двуногие существа.

Но если эта строго каноническая точка зрения покажется недостаточно убедительной для людей, привыкших мыслить в рамках строгого рационализма, то позвольте мне добавить со своей стороны несколько слов.

Теория эволюции ведет наше происхождение от человекообразной обезьяны.

Следовательно, мы находимся в родственных отношениях с африканской гориллой и мандрилой с Суматры.

Но если такие «двуногие», как горилла и шимпанзе, являются нашими прадедами, почему же Дицци не может быть нашим кузенком в третьем поколении?

А разве наше законодательство не предоставляет прав наследования даже более отдаленным родственникам?

И еще одно последнее возражение — с точки зрения общественного благополучия и морали.

Наследство мистера Герна в случае его перехода к Дицци, во-первых, не будет раздроблено и останется в его единоличном управлении, во-вторых — и это самое главное — не будет употреблено на антиморальные и антиобщественные цели.

Гарантией может послужить личность наследника, исключаяющая всякую возможность бесполезной расточительности, так же, как и употребления герновских миллионов на преступные цели пропаганды.

Будьте уверены, ваше превосходительство, что никому не удастся совратить Дицци в коммунизм.

Еще меньше может быть опасений, что Дицци после получения наследства переселится в Европу и обогатит чужие столицы американским золотом.

Дицци не похож на тех счастливых наследников американских миллионов, которые расточают свои состояния в увеселительных заведениях и игорных притонах Европы.

Еще менее похож Дицци на тех американских наследников, которые раздают миллионы долларов на позолоту потускневших европейских гербов.

Эти слова угодили прямо в цель.

Актрисы без ангажемента густо покраснели.

Судья бросил на них яростный взгляд и откашлялся.

Он доходил до белого каления, читая ежедневно в газетах о браках американских миллионерш с европейскими аристократами.

Хотя этот последний аргумент доктора Ландиса не имел особого юридического значения, он произвел колоссальный эффект.

Все последовавшее уже не имело значениям

Завещание Томаса Герна было признано действительным, и Дицци, первый из себе подобных, сделался членом семьи финансовых магнатов этого мира.

7.

Как Дицци стал шефом

— Господа, — обратился инженер Робур к четырем главным директорам герновских предприятий, — покойный мистер Герн удостоил меня своего доверия, неоднократно обсуждая со мной судьбу своего будущего наследника.

Самые знаменитые адвокаты нашей страны приглашались на собеседования, в которых я имел честь принимать участие.

Все было предусмотрено до мельчайших деталей.

Как вам должно быть известно, покойный не отличался особенным оптимизмом в отношении моральных свойств человеческой души.

Он, бывало, часто говорил: «Я заранее считаю каждого человека мошенником. Противное он должен доказать мне сам. Если он сумеет это сделать, Я буду очень рад. Я нахожу это более разумным, чем принимать всех людей за ангелов и каждый день переживать разочарования. Если приходится выбирать между двумя видами разочарования, то я предпочитаю положительные разочарования отрицательным».

Вы не станете спорить, что этот деловой подход вполне отвечает высоким деловым способностям покойного.

Соответственно такому воззрению (прошу принять это так же по-деловому) мы обсуждали даже возможность покушения на драгоценную жизнь Дицци с целью преждевременного раздела наследства.

Но после зрелого обсуждения мы сочли это неправдоподобным, поскольку дело вдет о членах центрального управления герновских предприятий.

Потому что — прошу не забывать — после смерти Дицци все служащие герновских предприятий получают равные доли и одинаковое право голоса.

Это значит: когда Дицци — избави боже — умрет, теперешняя администрация будет иметь, столько же шансов на переизбрание, сколько имеет северный полюс на превращение в тропический Курорт.

Вот почему покойный мистер Герн и другие участники совещания могли сомневаться в чем угодно, только не в совершенной лояльности правления.

Не интересы Дицци, а ваши собственные интересы требуют, чтобы вы берегли здоровье Дицци, как зеницу ока.

Я считаю излишним напоминать (вы знаете это и сами), что после судебного решения рабочие наших предприятий проявляют большое недовольство.

Ясно, что в этом случае мы имеем дело с вредной пропагандой, вероятно, заграничного происхождения.

Эти агитаторы стараются всеми силами скомпрометировать в глазах рабочих социальный строй нашей страны и бросают при этом тень на те личности, которые составляют ядро благополучия Американского индустриального союза.

Не менее ясно, что создавшееся положение способствует известному успеху этой агитации.

Во время знаменитого «нефтяного скандала», разыгравшегося четверть века тому назад, точно такие же агитаторы систематически подрывали основы нашего государства и поносили личность нашего президента и его кабинет.

Так, например, они порицали президента Кулиджа за его молчаливость и пытались доказать, что не каждый глухонемой должен быть непременно очень умным.

Ведь, как известно, глухонемые самые молчаливые люди.

Обсуждая также действия морского министра Денби, они утверждали, что только преступник или дурак мог, не читая, подписать миллионный договор, передававший народное достояние в частные руки. А ни преступник, ни дурак не могут управлять государством.

Особенно же они донимали министра юстиции Догерти, лояльность которого по меньшей мере равна вашей, обвиняя его во множестве позорных преступлений, начиная со взяточничества и кончая неосторожным употреблением спиртных напитков.

В соответствии с этим, они охотно предоставили бы ему бесплатный стол и квартиру в каком-нибудь американском исправительном доме.

Они согласились бы даже терпеть его в качестве главаря шайки bootlegger'ов (пиратов виски), но решительно отказались признать его в качестве генерального прокурора нашего государства.

Стоит ли после этого говорить о политическом бесстыдстве подобных элементов?

Истинный смысл нашего общественного строя заключается для них не в равенстве материальных возможностей, а в возможности материального равенства. Возможность такого

равенства еще не значит, что оно будет возведено в общий принцип.

Я надеюсь, что вы извините мне это отступление исторического характера: оно было нужно для сравнения.

В настоящее время положение стало еще более острым, так как приспособляемость масс тоже имеет, к сожалению, свои границы.

Массы могут смеяться, когда на посту президента они видят пешку, дурака, за спиной которого заметна чужая фука, дергающая послушный шнурочек.

Массы могут негодовать, когда пост блюстителя справедливости занимает вор, продажный трус и пьяница.

Те же самые массы могут прийти в еще большее негодование (но чаша их терпения никогда не переполнится), увидев, что вся правительственная машина сверху донизу отравлена ядом патриотического лицемерия, каждодневного крупного и мелкого взяточничества, моральной проституции, охватывающей всю страну от самых верхов до последнего полисмена.

Все это, однако, не мешает им реветь во все горло национальный гимн и при виде звездного знамени проливать крокодиловы слезы.

Такова человеческая натура. Они готовы все простить, потому что правители страны все же люди, хотя и наделенные всеми человеческими недостатками.

Они простят, хотя бы только потому, что наши пасторы не отказывают в вечном блаженстве даже самым закоренелым грешникам.

Дицци находится в несравненно худшем положении. Дицци, честность которого выше всякого сомнения, бескорыстие которого получило лучшее доказательство в истории Томаса Герна. Дицци, который не имел еще не капли спиртного во рту,

Дицци, единственно абсолютный честный субъект в нашей стране, — Дицци находится в гораздо худшем положении.

Потому, что он — осел.

Этого люди ему никогда не простят.

Не потому, чтобы он был глупее их.

Да и кто это выдумал и доказал, что ослы глупее всех животных?

Нет. Потому, что Дицци не таков, как они.

Если американские законодатели не хотят простить китайцам желтого цвета их кожи, если американские патриоты расследуют происхождение туземных мулатов до седьмого колена, как могут они простить Дицци его хвост и густую щетину?

Что касается наших рабочих, то они, правда, не являются патриотами, в нашем смысле слова, во тем не менее считают ниже своего достоинства работать на прирожденного осла. Они считают завещание Томаса Герна самым полным выражением мирового капиталистического строя. Они полагают, что такое завещание возможно лишь при ныне существующем порядке имущественных отношений.

Наши рабочие не в такой мере, как мы, находятся под влиянием деловых соображений; как все революционеры, они фантазеры и готовы во имя нового общественного строя пожертвовать личными интересами.

Господа, я предупреждаю вас, что вы сможете преодолеть создавшееся положение только путем большой осторожности, дальновидности и общей согласованности действий, и что к этому, ведет только один путь.

Вы должны уничтожить всякую границу между Дицци, теперешним главой герновских предприятий, и вами самими как двуногими существами. Вы должны поднять авторитет Дицци на недостижимую высоту.

Если во времена Тут-Энх-Аммона почитали белого быка, а ветхозаветные иудеи молились золотому тельцу, почему бы вам не признать авторитета золотого осла?

Я согласен — первое время будет не легко, но на свете нет ничего невозможного. Деловые люди еще никогда не затруднялись найти выход из любой положения.

А вы, господа, деловые люди.

Инженер Робур кончил свою речь.

Четыре директора герновских предприятий погрузились на некоторое время в глубокое молчание.

Потом старший из них — мистер Стевен Росс (худое, морщинистое лицо на шее аиста, проглотившего картофель) сказал: «Мы постараемся, мистер Робур».

Больше не было сказано ничего, и все разошлись.

8.

Как Дицци стал джентльменом, занимался делами, ел артишоки и так далее

Мистер Стевен Росс поморгай глазами и обследовал золотой конец своего вечного пера, чтобы убедиться, не застряло ли на нем какого-нибудь волоска.

Потом он успокоился, аккуратно завинтил крышечку, сунул перо в боковой карман и сказал:

— Неужели вы меня действительно хотите убедить, что нет людей, желающих занять места домашней прислуги и личного секретаря нашего шефа?

Мистер Вингль, к которому обращался принципал, угодливо поклонился в знак согласия.

Мистер Вингль занимал в иерархии герновских служащих скромное место *publicity manager*, т. е. был рекламным агентом.

— К сожалению, это так. Все, что я мог сделать, это нанять низших служащих, на место личного секретаря не явилось ни одного претендента, а в качестве метр-д'отеля предложил свои услуги дряхлый старик, совершенная развалина — некто О'Гара.

— Возьмите его хотя бы на время. Надо прорвать плотину.

— Хорошо, я его возьму.

— Отчего это происходит, как вы думаете?

Мистер Вингль боязливо покосился на директора.

— Потому что — я не знаю (пауза), может быть, они боятся. Может быть, они думают, что эта служба очень ответственна и требует большего опыта.

— Вингль, не говорите глупостей. Так говорят только дураки или сумасшедшие. Во всем мире не найдется более легкой и лучше оплачиваемой должности.

Мистер Вингль вздохнул.

— Например, личная корреспонденция. На каком языке ее вести? Я говорил уже с мистером Вудстоком, который считается выдающимся специалистом по полинезийским языкам, и просил его рекомендовать мне одного из его слушателей. Но он отказался. Да, отказался самым решительным образом.

— В чем делу? — перебил его строго и недоверчиво мистер Росс — Вы чего-то не договариваете.

Пристыженный мистер Вингль опустил голову и ответил медленно, подыскивая выражения, причем напряженно смотрел в замочную скважину письменного стола.

— Он обиделся. Мистер Вудсток увидел в моей просьбе пренебрежение к своей профессии. Он утверждал, что только мое полное невежество может послужить объяснением того, что я...

— Что вы...

— Что я думал, — студенты профессора Вудстока смогут лучше понять нашего шефа, чем мы.

— Ваш Вудсток, хоть и профессор, а дурак.

С этими словами мистер Росс яростно повернулся на своем винтовом табурете.

— Зарубите, пожалуйста, на носу, что никто не требует невозможного. Все, что мы требуем от будущих слуг, это

выдержка (гм), умение владеть собою (э-гм), серьезность... и почтительность. Да, почтительность прежде всего. Они должны понять, с кем им придется иметь дело.

— Но именно этого-то они и не понимают, — печально сказал мистер Вингль.

— К чёрту! Мы научим их понимать.

И мистер Росс ударил кулаком по стол.

— Делайте, что хотите, но наберите всех служащих. Пусть они будут красные, черные, коричневые или желтые, но чтобы завтра же все служащие были на местах. И возьмите этого О'Гара.

— Well, я сделаю все возможное.

И мистер Вингль сделал все, что мог. Обергофмейстером частной виллы, в которой прежде жил Томас Герн, а теперь на время поселения Дицци был назначен мистер О'Гара.

Тот самый — помните ли вы его?

Тот самый мистер. О'Гара, который некогда оскорбил самолюбие молодого инженера Стального треста и постоянно вставлял ему, палки в колеса. Когда Стальной трест перешел в руки Томаса Герна, последний прежде всего выгнал О'Гара.

В то время О'Гара было далеко за пятьдесят. Весь его капитал был вложен в акции Стального треста.

Но мистер Герн действовал всегда обдуманно; поэтому он сначала довел Стальной трест до банкротства, а потом уже купил его.

И мистеру О'Гара пришлось искать себе службы вместо того, чтобы проводить время за игрой в гольф.

Но по священным традициям Американского индустриального союза, люди, которые в старости вынуждены снова начинать свою карьеру, годятся только в убежище для бедных.

В особенности если их уволил такой человек, как Томас Герн.

Некоторое время О'Гара служил на посылках у демократического босса, вождя партии в одном южном городе, но его карманы оставались пусты, и в конце концов он напился вместе со своим ирландским шефом.

Затем юн устраивал митинги на улицах и продавал любопытным зевакам «Универсальное дезинфекционное средство для нашего пищеварительного аппарата».

После этого он попал в больницу для бедных, откуда его выпустили только тогда, когда он дал твердое обещание больше не пить.

О'Гара поклялся всеми святыми и вступил в армию спасения, чтобы проповедывать воздержание, но сам не выдержал испытания и при первом же случае был изгнан.

Протрезвившись, он уже начал размышлять, что лучше — повеситься или утопиться, когда натолкнулся на объявление мистера Вингля:

И Ш У Т

**служащих на должности личного секретаря, корреспондента, обергофмейстера, камердинера, заведующего конюшней, лакеев и главного повара.
ПЕРВОКЛАССНАЯ СЛУЖБА, МАЛО РАБОТЫ,
ХОРОШЕЕ ЖАЛОВАНИЕ.**

ПРЕДЛОЖЕНИЯ НАПРАВЛЯТЬ по АДРЕСУ:
Радиополис, Томас Герн А. Г., для господина Вингля.

Мистер О'Гара сразу, понял в чем дело. Он стиснул зубы и послал свое прошение. Это была последняя соломинка утопающего.

Мистер Вингль долго и подробно объяснял собравшимся служащим, что они должны исполнять свои обязанности так, как если бы шефом был не Дицци, а сам Томас Герн. То-есть:

Дицци будет есть в столовой, занимая место своего предшественника.

Дицци будет одеваться по предписаниям самых строгих традиций хорошего общества.

Стол Дицци по необходимости будет вегетарианский, но и главный повар и лакеи должны действовать с величайшей осмотрительностью как в кухне, так и в столовой и т. д.

О'Гара долго думал о том, как справиться с возложенной на него обязанностью. Два чувства боролись в его груди: яростный протест и страх потерять место.

Он думал, что предусмотрел и высчитал все заранее.

Но когда Дицци переселили из конюшни в виллу Томаса Герна, когда озадаченные портные в первый раз облачили Дицци в специально изготовленный для него, безупречный смокинг и белую крахмальную сорочку, и когда все слуги общими усилиями толкнули доброго Дицци в столовую, — О'Гара понял, что задача ему не по силам.

Зрелище было необычайное.

Стол был накрыт на пять приборов. Четыре главных директора герновских предприятий стояли неподвижно вытянувшись, словно проглотив аршин, позади своих кресел, в ожидании шефа.

Четыре главных директора выглядели, серьезно и торжественно, точно хотели показать своим видом всем

присутствующим, какое глубокое почтение и уважение они чувствуют к Дицци.

Что касается самого Дицци, то он не понимал решительно ничего.

К нему в конюшню пришли на рассвете, как раз в тот момент, когда его разбудил первый крик петуха, и он, блаженно развесив свои длинные уши, привычным движением вытянул губы к душистому, вкусному сену.

Но ему не дали поесть. Вместо того, его повели бог знает куда, хотя он хорошо знал, что время для прогулки еще не наступило. Прогулка начиналась обыкновенно тогда, когда солнечные лучи проникали в верхние окна конюшни (конюшня Дицци имела два ряда окон).

Дицци с большим трудом вскарабкался по мраморным ступеням герновской виллы. Его копыта скользили и подгибались, как скользят на гладкой мостовой французские каблуки у разносящих заказы модисток.

Это было, без сомнения, плохое начало.

Продолжение оказалось еще хуже. Когда Дицци почувствовал, что сапожник надевает ему на копыта особо изготовленные лаковые туфли, он потерял терпение.

Он попытался ударить сапожника последним, еще необутым копытом, но это не помогло.

Кто-то другой работал над шеей Дицци, пытаясь водрузить на нее белое кольцо и затянуть это кольцо черной лентой.

В голове Дицци шевельнулось воспоминание о тех далеких и неприятных днях, когда, запряженный и взнузданный, он работал на ферме Силаса.

Конечно, это было много хуже туфель.

В конце концов, думал Дицци, туфли были только одной из непонятных особенностей, свойственных человеческой природе и уже неоднократно приводивших его в изумление.

Но это являлось уже посягательством на его свободу, а Дицци за это время привык к мирному и беззаботному существованию удалившегося от дел рантье.

Поэтому Дицци испустил свое громкое и-а! — и, к ужасу окружающих, изо всей силы ударил занятого воротником и галстуком лакея головой в подбородок.

Воротник, галстук и два выбитых зуба упали на пол.

Лакея немедленно отправили к врачу, строго наказав ему соблюдать молчание.

Ему вставили два золотых зуба и, кроме того, дали вознаграждение в размере пятисот долларов. Лакею это понравилось. Дицци же чувствовал себя глубоко, несчастным.

Трудно сказать, почему на этот раз Дицци не проявил своего классического упрямства.

Может быть, он был слишком ошеломлен, чтобы разумно реагировать на все происходящее.

Поэтому дальнейшая процедура одевания прошла мирно и без всяких помех.

Дицци робко и уныло протрусил в столовую.

При входе в нее он держался даже с большим достоинством, и его обдуманые, серьезные, выразительные движения произвели благоприятное впечатление.

Незаинтересованный наблюдатель мог бы принять его за какого-нибудь профессора археологии из провинциального университета, явившегося в столицу на конгресс ученых и почувствовавшего смущение при виде своих многочисленных коллег.

У мистера Стевена Росса промелькнула даже мысль о том, как мало нужно для того, чтобы превратить осла в человека, — разумеется, при наличии денег.

И это впечатление сохранилось бы, если бы не бестактность О'Гара.

О'Гара, пытаясь усадить Дицци в кресло и не зная, как к этому приступить (он об этом не подумал), потянул его вниз за хвост.

Это было уже слишком.

Передними ногами Дицци уперся в стол, чтобы найти точку опоры, и, не разбирая кто прав, кто виноват, изо всей силы ударил задними ногами в воздух.

Трах! Хрустальная посуда, вазы с цветами, старинное чеканное серебро, тарелки, чашки и стаканы полетели на пол. О'Гара и лакей уже лежали на полу.

Когда О'Гара медленно поднялся, вытирая с лица соус от бифштекса и воду с брюк, первое, что он увидел, был ядовитый взгляд мистера Стевена Росса.

— Вы нам не пригодны. Убирайтесь вон.

О'Гара ушел — и повесился.

В газетах об этом ничего не сообщалось.

Дицци вскоре привык ко всему — он пришел к выводу, что люди еще более упрямы, чем он сам.

Через две недели он уже спал в кровати Томаса Герна, совершал утренние прогулки, ел артишоки и спаржу, переодевался два раза в день и посещал заседания центрального правления.

Церковь Дицци, правда, не посещал, но регулярно посылал туда своего представителя.

В благодарность за это, его преподобие Меррик часто навещал Дицци и потом делился своими впечатлениями в следующих выражениях:

— Будьте уверены, члены нашей общины могли бы многому у нею научиться.

Правда, оставалось неизвестным, чему, именно могли бы научиться у Дицци члены общины, но они верили словам его преподобия Меррика, так как верить является первой обязанностью верующего.

Мистер Росс оказался совершенно прав. Главное было — прорвать плотину.

После неудачи О'Гара, предложения услуг посыпались, как из рога изобилия.

Мистер Вингль получил теперь возможность выбирать с величайшей осторожностью, чтобы окончательно установить постоянный состав служебного персонала.

Если в первое время мистер Вингль жаловался, что разная окраска кожи у слуг производит недостойное впечатление, то теперь об этом не могло быть и речи.

Желтые слуги были совсем удалены, а черные оставались только на кухне и в конюшне.

Все остальные места были заняты белыми слугами, причем мистеру Винглю посчастливилось нанять целый ряд безработных французских аристократов, которые приехали из Парижа и очень скоро очутились на мели.

Обергофмейстером был назначен прямой потомок герцога Монморанси, а корреспонденция была доверена потомку Талейрана.

Мистер Вингль особенно гордился этим последним приобретением.

— Талейран был отцом французской дипломатии, — говорил он. — А французские дипломаты, как это всем известно, — блестящие стилисты.

Новый состав служащих был, действительно, выдающийся. И с какою легкостью они применились к новой роде!

Многовековая привычка с гордо поднятой головой нести лакейскую службу при коронованных ничтожествах чрезвычайно помогла потомкам Монморанси и Талейрана при исполнении их обязанностей на службе у Дицци.

Их достоинство и торжественность, которые они при этом проявляли, вызывали чрезвычайную веселость у низших служащих, в особенности у черных шоферов.

Однажды его преподобие Меррик, который как раз собирался нанести Дицци свой еженедельный визит, подслушал следующий разговор в гараже:

— Видели вы когда-нибудь подобных дураков? Этот заграничный принц Монморанси входит в кабинет, громко докладывает, словно перед ним сидит английский король: «Сэр, мистер Стевен Росс просит принять его», — и ждет от «него» ответа. Конечно, тот молчит. Тогда этот обманщик Монморанси делает вид, словно что-то услышал, оборачивается и говорит директору: «Мистер Росс, шеф готов вас принять». Уверяю вас, нет возможности смотреть на это без смеха.

Так говорил шофер Руфус Джонсон, игрок и бездельник, но блестящий шофер, которого приняли на службу, так как он, действительно, умел управлять машиной.

Как все игроки, Руфус был суеверен и регулярно ходил в церковь, думая, что это принесет ему счастье в игре.

Его преподобие Меррик положил свою широкую руку на плечо Руфуса и с упреком сказал:

— Руфус, клевета — тяжелый грех. Ирония есть поношение святого духа, который живет в каждом из нас.

— Но, ваше преподобие, ведь это не человек, а...

— Он ничем не отличается от нас,— перебил его Меррик строгим тоном.— Твое заблуждение происходит от того, что твоя душа не просвещена истинным смыслом христового учения, и что ты зриаешь на вещи не духовным взором, а плотскими очами. Святой дух сошел на землю в виде голубя, а наш спаситель изображается в виде агнца. Разве не доказывают тебе эти примеры с полной очевидностью, что наша обязанность — уважать всякое живое существо, а не превозноситься над ним!

Но Руфус не сдавался.

— Ваше преподобие, почему же в таком случае вы отобрали у меня в прошлое воскресенье моего маленького белого слона, который должен был принести мне счастье в игре, и назвали его идиолом?

Тогда его преподобие рассердился.

— Если ты сейчас же не замолчишь, я скажу, герцогу (его преподобие чрезвычайно любил титулы), чтобы он уволил тебя в двадцать четыре часа.

Руфус промолчал.

А через короткое время искусственная почтительность к Дицци превратилась в искреннее чистосердечное уважение. Сначала из страха потерять место, из боязни конкуренции, затем по привычке и чтобы не нарушать общих правил, и наконец, все, все без исключения, высшие государственные чиновники, финансовые короли, банкиры, газетные магнаты, пасторы, священники, офицеры — словом весь «цвет страны» пришел к заключению, что:

1. Дицци совершенно на своем месте.
2. Дицци блестяще выполняет свои обязанности.
3. Богатство Дицци, его экономические и социальные привилегии получены им по заслугам и с полным правом.

Этому общему воззрению противоречило только мнение маловлиятельных немногочисленных радикалов. Влияние их агитации не выходило за пределы фабрик.

9.

Дицци задает тон общественному мнению

Дицци появлялся на заседаниях главного правления о точностью, достойной его предшественника.

Опытный дрессировщик очень скоро научил Дицци сидеть в кресле «по-европейски».

Главные директора также быстро привыкли к своему шефу.

Даже более того: каждый день они открывали новые достоинства в характере Дицци по сравнению с покойным Томасом Терном.

Директора установили, как непреложный факт, что это сравнение говорит в пользу Дицци по следующим пунктам:

1. Большая уравновешенность.
2. Внимательное отношение к чужим мнениям.
3. Уступчивость.

В то же время они находили, что Дицци нисколько не уступает Томасу Герму в:

1. Хладнокровии и
2. Сдержанности.

Дицци был молчалив, но его молчаливость была равноценна золоту.

Он редко вмешивался, в споры своих директоров, но победившая партия всегда находила тысячи признаков, согласно которым Дицци оказывался на стороне большинства.

И очень скоро Дицци прославился финансовой непогрешимостью.

Каждую неделю газеты печатали подробные отчеты о новых предприятиях и спекуляциях Дицци, оканчивавшихся всегда благополучно и приносивших большие барыши.

На бирже Дицци играл всегда без промаха.

В одно прекрасное утро мистер Вингль явился к мистеру Стевену Россу с предложением, которое в первый момент порядком озадачило мистера Росса, так, что он даже разинул рот.

Мистер Вингль проектировал не более, не менее, как издавать еженедельный журнал, который опубликовывал бы в передовых статьях политические и финансово-экономические взгляды Дицци.

— Мистер Росс,— разъяснял мистер Вингль свой план, — мнение нашего шефа в этих важных вопросах имеет такое большое значение, что его нельзя замалчивать. Наш шеф занимает слишком выдающееся положение среди финансовых магнатов нашей страны. Каждый гражданин нашего государства имеет право интересоваться мнением нашего шефа о политическом положении.

Мистер Росс, повернулся в кресле и уставился на мистера Вингля непонимающими глазами.

— Как вы к этому приступите? — произнес он, наконец, с трудом овладевая собой.

.Беззвучным, эластичным шагом приблизился мистер Вингль к главному директору и прошептал ему что-то на ухо.

— All right,— сказал мистер Стевен Роса— Валяйте!

С этого времени американская пресса обогатилась новым изданием, под заголовком: «Radiopolis Independant», то-есть, «Независимый радиополист».

Этот «независимый» был Дицци.

Его статьи печатались на первой странице, толковали о самых разнообразных вещах и обнаруживали поразительную осведомленность Дицци во всех политических и финансовых вопросах.

Судя по этим статьям, мировоззрение Дицци было умеренно-консервативное и покоилось на убеждении и даже уверенности в том, что вое в этом мире, что содействует «business»¹, положительно, и, наоборот, все, что вредит «business», излишне и безнравственно.

Принцип частного предпринимательства и священного института частной собственности являлся, конечно, основой этого мировоззрения.

А его лейтмотивом был здравый патриотический оптимизм.

Все стоит на своем месте, если и не во всем мире, то, по крайней мере, в «этой излюбленной богом стране» (gods own country).

Только изредка проскальзывали в статьях Дицци нотки раздражения или политические выпады.

В большинстве случаев это совпадало с теми днями, когда мистер Вингль, который был очень несчастлив в семейной жизни, получал изрядную порцию колотушек от своей дражайшей половины.

¹ Бизнес —дело.

Каждое второе января, после подведения годового баланса, опубликовывались от имени Дицци пожертвования, которые предназначались благотворительным, церковным и научным учреждениям.

Этот новый обычай, не существовавший во времена Томаса Герна, был впервые введен при управлении Дицци.

Нет ничего удивительного, что каждое третье января газеты посвящали величайшему благодетелю мира длинные передовицы, в которых Дицци сравнивался с милосердным самаритянином, кроткой евангельской Марией и такими благодетелями прошлого, как Рокфеллер или Карнеджи.

Популярность Дицци затмила славу президента Американского индустриального союза, любимых артистов и даже мировых чемпионов бокса.

10. Как Дицци был соблазнен пучком сена и что из этого вышло

Один раз в год Дицци посещал главный завод своей фирмы — герновского акционерного общества. Это было похоже на военный парад в присутствии генерал-фельдмаршала.

Как полагается в таких случаях, Дицци проходил через завод в сопровождении свиты, состоявшей из главных директоров и заведующих отдельными отраслями производства.

Это событие приобрело скоро такую же популярность в стране, как выборы президента или открытие бального сезона.

Шеф начинал обычно свой осмотр с машинного отделения и заканчивал второстепенными отделениями, как например, оранжереи, гараж и т. д.

Администрация и служебный персонал старались, разумеется, изо всех сил, чтобы придать этому событию как можно больше торжественности.

Отношение рабочих герновского предприятия было, во всяком случае, несколько иное.

Так как революционная пропаганда уже достаточно их деморализовала, они принимали шефа в высшей степени холодно, почти враждебно, усматривая в этом параде оскорбление их человеческого достоинства.

Поэтому во избежание демонстраций приходилось расставлять клакеров, а также шпионов и полицейских.

На третьем году после назначения Дицци шефом случилось событие, на первый взгляд незначительное, но имевшее огромные последствия.

Осмотр подходил уже к концу.

Дицци устало покачивал головой и пытался освободиться от цилиндра, прикрепленного к его голове резиновой лентой; он моргал глазами, уставшими от докучливых мух и жгучих солнечных лучей.

Во всем облике Дицци проглядывало равнодушие.

Главные директора делали все, что могли, чтобы как можно скорее закончить официальный обход.

Дицци находился уже у выхода из оранжереи, как вдруг послышался звонкий и добродушный смех.

Это был молодой садовник, поступивший на службу за неделю до осмотра.

Этот деревенский парень не мог представить себе осла во фраке и цилиндре.

И при виде Дицци он расхохотался во все горло.

Всеобщее негодование.

Спокойнее всех реагировал На это оскорбление сам Дицци. Он остановился около клумбы и добро-душно посматривал на молодого садовника.

А тот, не обращая никакого внимания на возмущение директоров, подошел к шефу, ласково похлопал его по спине и протянул ему пучок свежескошенного сена.

Чтобы составить себе представление о той жадности, с какой Дицци набросился на сено, надо вспомнить, что в течение трех лет он не ел ничего, кроме артишоков, спаржи, французского салата и цветной капусты.

Дицци блаженно жевал душистое сено, и под влиянием гастрономического восторга едва не вывихнул себе челюсти.

Официальная важность, с которой он долгое время сдерживал свой хвост, была внезапно позабыта, и к величайшему удивлению всех присутствующих белые брюки вдруг задвигались на Дицци, словно под ними происходила борьба.

Когда Дицци насытился, он благодарно взглянул на садовника и не зная, чем выразить свой восторг, нежно лизнул его языком в лицо.

Поцелуй шефа спас деревенского парня от немедленного увольнения.

И даже более того: согласно правилу «победителей не судят», мистер Фитцпатрик (так звали садовника) был назначен директором провинциального отделения герновского акционерного общества — с годовым окладом в 24 тысячи долларов.

Соглашаясь на это предложение мистера Стевена Росса, директора убивали одним ударом двух зайцев:

1. Они доказывали всему миру свое внимание к личным рекомендациям шефа;

2. Они освободились от опасного конкурента, добившегося особой благосклонности шефа.

Для мистера Фицпатрика это было почетным изгнанием.

После собрания, принявшего эту резолюцию, мистер Стевен Росс вернулся домой мрачный, как грозовая туча, и немедленно созвал семейный совет.

В тоне его голоса звучало отчаяние близкого к самоубийству человека.

Вследствие этого супруга главного директора мистрисс Эвелина Росс приказала своим дочерям Маджори и Марион (других детей они не имели) немедленно явиться в гостиную.

Маджори пришлось отказаться от поездки в театр, а Марион от лекции одного радикального писателя.

Маджори, прелестная Маджори, (согласно газетным отчетам) интересовалась, как это полагается каждой порядочной молодой даме из хорошего дома, только балами, театрами и спортом. Дальше Лондона, в своих заграничных поездках, она никогда не выезжала.

Марион, далеко не такая прелестная, как ее старшая сестра, посещала экономический факультет университета и ежегодно предпринимала далекие путешествия, во время которых пополняла пробелы в своих социологических знаниях.

Когда вся семья собралась, мистер Росс подробно описал им случай с Фицпатриком от начала до конца.

Затем он устало откинулся в кресле, словно его покинули все силы.

На лицах мистрисс Эвелины Росс, Маджори и Марион выразилось величайшее удивление.

— Да разве вы не понимаете, — и мистер Росс почти начал кричать, — что этот случай является предупреждением мне, вашему отцу, вам всем — чёрт побери!

Сегодня какой-нибудь Фитцпатрик, благодаря пучку сена, заслужит особую милость у этого осла (мистер Росс позабыл всякую осторожность), завтра появится еще какой-нибудь дурак и так далее.

Я уже не молод, всякий молодой интриган перегонит меня, если захочет. До сих пор все мы сидели беспечно на своих местах.

Но теперь начинается конкуренция. Знаете ли вы, что это значит? Конкуренция?

Я уже не чувствую себя спокойно на своем месте, а между тем, если я потеряю свое положение, мы превратимся в нищих, понимаете ли, в нищих.

— Я буду работать, — сказала Марион.

— Много ли это даст? — ответила Маджори.

— Но как это возможно? — сказала мистрисс Росс. — Разве ты не получишь пенсии?

— Нет, завешание не назначает никаких пенсий. А вы все, надо сказать, жили до сих пор без забот. Подумать только, на какие пустяки у нас уходили деньги.

— Но, папа, — сказала Маджори.

— Молчи уж, скоро ваше райское житье кончится, скоро придется вам продавать ваши меха и тряпки.

Этой перспективы оказалось достаточно, чтобы вызвать истерику у мистрисс Росс и Маджори.

— Но, папа, я буду работать, — повторила Марион.

— Дурочка. Сколько ты можешь заработать?

— Что делать, что делать? — кричали дуэтом мать и Маджори.

— Я знаю, что делать, садитесь и слушайте внимательно.

И мистер Росс открыл свой план, заключавшийся в том, чтобы женить Дицци на Маджори.

Затем мистер Росс выслушал громовую речь своей дочери Марион, обозвавшей его бесчувственным извергом, и спровадил ее на лекцию радикального писателя. Затем он оживил мистрисс Росс, находившуюся в глубоком обмороке, и принес Маджори ее сумочку с пудрой и губной помадой, чтобы дать ей возможность прийти в себя.

Первая буря улеглась. Мистер Росс сказал жене самым мягким тоном:

— Впрочем, я не понимаю твоего ужаса, милая Эвелина. При ближайшем рассмотрении наш шеф окажется одним из лучших женихов.

Что касается его внешности, то она, правда, не слишком привлекательна, в особенности для такой легкомысленной девушки, как Маджори, которая любит только мишуру и внешний блеск.

Но где вы найдете жениха, соединяющего в себе все достоинства?

С объективной точки зрения, наш шеф ни на йоту не хуже покойного Томаса Герна.

— Но, Стевен, — решила возразить мистрисс Росс.

— Подожди. Я еще не кончил. Что же касается характера нашего шефа, то преимущества безусловно на его стороне.

— Но, Стевен, ведь он же — осел.

Мистер Росс бросил на жену уничтожающий, взгляд.

— Как вы недалновидны. Пройдет год, может быть полтора, и Маджори потребует развода (мистер Росс подумал немного). Едва ли поводом к разводу может послужить неверность супруга, и надеюсь, что то же самое можно сказать и о Маджори... Но я не сомневаюсь ни одной минуты в том, что развод всегда будет возможен на почве несходства характеров.

Маджори разведется и получит часть состояния, соответствующую социальному положению ее мужа.

Мистрисс Росс сначала вздохнула, затем снизошла до слабой улыбки, а Маджори захлопала в ладоши и спросила отца, какое имя она будет носить после свадьбы.

На это мистер Росс не дал положительного ответа. Он только поцеловал свою дочь в лоб и коротко сказал:

— Когда принимаешь важные решения, не следует думать о пустяках. Пора спать.

Через неделю все газеты были полны сообщений о необычайном внимании, которое наследник Томаса Герна оказывает прелестной Маджори Росс.

Эти сообщения были нисколько не преувеличены. Дицци, действительно, очень полюбил хорошенькую девушку.

После всех мучительных формальностей, связанных с его официальным положением, Дицци чувствовал большое облегчение, попадая в садик виллы Стевена Росса, где холеная розовая ручка угощала его душистым сеном, и где ему охотно Позволяли рыться в клумбах и грызть свежую траву.

Иногда эта ручка осторожно сдвигала головное украшение Дицци и тонкими пальчиками почесывала его за ухом.

В Такие минуты Дицци моргал своими печальными влажными глазами, и его большой шершавый язык благодарно лизал доставлявшие ему такое огромное наслаждение пальчики.

Обычно такой скромный и невзыскательный Дицци избаловался под конец до того, что, когда Маджори отнимала руку, тыкал головой в ее ладони, как бы умоляя:

«Пожалуйста, пожалуйста еще».

Во время таких прогулок репортеры всех больших газет сидели спрятавшись в кустах и в канаве около дороги и, не обращая внимания на солнечный зной, жару и тому подобные неудобства, наблюдали каждый шаг «счастливой пары».

Один репортер, пожалуй самый назойливый из всех, заключил даже со своим коллегой пари, что он добьется личного интервью от Дицци, чтобы определить характер его отношений к Маджори Росс.

Репортер поймал Дицци как раз в тот момент, когда он спокойно выбегал из сада Маджори на площадь, отделявшую его дворец от виллы Стевена Росса.

Костюм Дицци был несколько в беспорядке. Его мягкая шляпа съехала на левое ухо и держалась без помощи резиновой ленты просто чудом. Фланелевый жилет был запачкан землей, а одна пуговица вырвана.

После трех утомительных заседаний Дицци дождался, наконец, отдыха и с восторгом копался в цветочных клумбах. Но репортер этого не знал и подумал:

«Ого. Первоклассный материал для газеты.

Но вдруг он услышал у самого уха резкий вопрос:

— Что вы здесь делаете, позвольте спросить?

Это был инженер Робур, возвращавшийся домой после работы в своей лаборатории.

Репортер не узнал Робура и раздраженно ответил:

— А вам какое дело?

— Я до известной степени причастен к администрации акционерного общества. Мое имя — Робур.

Репортер смутился, так как после вступления завещания в силу общественное мнение Америки привыкло придавать инженеру Робуру такое же значение, как, например, главному прокурору Американского индустриального союза.

Робур пользовался таким большим авторитетом, потому что вел уединенный образ жизни, ни с кем не завязывал знакомства и был всецело занят своей лабораторной работой.

Между тем Дицци, не проявляя ни малейшего интереса к разговору, прислонился спиной к дереву и изо всех сил терся о него, в тщетной борьбе со своими подтяжками.

Дело в том, что подтяжки его невыносимо щекотали.

Левая сторона одежды Дицци была уже разорвана, но подтяжки не сдавались.

Репортер почтительно приподнял шляпу и сказал, как бы в извинение:

— Я... я хотел просить об интервью.

— Так — сказал Робур. — Ну, так, пожалуйста, начинайте. Я надеюсь, что не помешаю вам.

— О, нет, пожалуйста, я буду вам только благодарен — может быть, я могу даже рассчитывать на вашу помощь?

— В этом вы ошибаетесь, — коротко отрезал Робур. — Мне нет ни малейшего дела до вашего интервью.

Репортер приблизился к дереву и низко поклонился Дицци, как раз тогда, когда Дицци на один момент перестал тереться о дерево и устало свесил свой широкий язык.

Робур стоял в стороне и не мог расслышать подробностей разговора. Он видел только как репортер некоторое время увивался около Дицци, и как Дицци неизменно поворачивался к нему спиной.

Но вдруг Дицци переменял свою тактику.

Он хрипло заржал, вызываяще откинул голову (шляпа при этом перелетела через изгородь), нагнул шею — и бросился на репортера.

Перед глазами Робура промелькнули на мгновение падающий репортер, Дицци в круговом движении и задние копыта его, со страшною быстротою мелькавшие в воздухе.

Когда Робур поднял репортера с земли, когда репортер освободился от песка, заткнувшего ему ноздри и глаза, и, исследовав шишки на лбу, убедился, что остался в живых, — Дицци уже скрылся.

— Как это, собственно, произошло? — осведомился Робур.

— Сначала все шло хорошо, — пропыхтел репортер. — Правда, он не отвечал, но зато внимательно слушал. Но когда я спросил его, как далеко зашли их отношения, и когда будет венчание... он вышел из себя.

— Вы едва ли станете оспаривать, — сказал Робур, — что каждый джентльмен на его месте поступил бы совершенно так же.

Репортер поспешно составил заметку о том, что Дицци вел себя, как джентльмен, оберегающий интимные подробности от чужих взоров.

11. Неудача Дицци в любви и другие неприятности

Счастье никогда не бывает полным. Дицци познал это на собственном опыте.

Маджори Росс, в качестве невесты Дицци, сделалась очень скоро центром общего внимания.

Ее популярность достигла той степени, на которой газеты, вместо того, чтобы требовать платы за право печатать рекламы, сами платят за это право.

Оплаченная реклама предполагает у читателя силу воображения. Даровая реклама, повторяющаяся изо дня в день, является особой формой массового гипноза, который исходит от медиума, располагающего величайшей потенциальной силой. Можно ли после этого удивляться, что Маджори Росс, в качестве невесты Дицци, очень скоро приобрела славу самой очаровательной девушки во всем Американском индустриальном союзе?

Ее права на этот титул были так же неоспоримы, как и тот факт, что статут свободы находится в нью-йоркской гавани.

Привычки и капризы Маджори стали законом для обоих континентов.

Достаточно было Маджори заявить в короткой газетной заметке, что она никогда не носила корсета, чтобы вызвать крах миллионной фирмы, которая для своей последней модели неосторожно выбрала имя Маджори.

Молодые представители индустриальной аристократии страны окружали Маджори плотной стеной, без ропота выполняли все ее капризы и причуды, и сопровождали ее на балы и спортивные празднества.

О каждом шаге Маджори сообщалось всему миру, как о необычайном происшествии.

Рассеянный и легкомысленный образ жизни Маджори должен был, конечно, отразиться на ее отношениях к Дицци.

Дицци часто оставался один.

Но он переносил это с достоинством и никому не давал заметить, что происходило в его душе.

Вдруг, как молния с ясного неба, поразила всех сенсация:

Маджори бежала с сыном архимиллионера Ван-Кортена.

За много лет ни одна сенсация не была так прибыльна для газетчиков, как эта.

В течение нескольких недель все газеты были наполнены известиями о том, как Маджори и Ван-Кортен проводят время в Гонолулу, как и кем они были повенчаны, как тяжело поразил этот удар мистера Стевена Росса.

Мистер Стевен Росс взял даже отпуск, чтобы отправиться на излечение в Каир.

Спокойнее всех реагировал на это происшествие Дицци.

Неизвестно, сколько времени продолжалось бы еще увлечение этой сенсацией, если бы новое обстоятельство не привлекло к себе общественного внимания.

Да. Этот год оказался счастливым годом для газетных сотрудников и радиорепортеров.

Будущее надвигалось под знаком войны.

Капиталистический мир разделился на две резко отграниченные друг от друга группы государств.

Одна из них несколько десятилетий тому назад осталась победительницей в мировой войне. Эти государства завоевали себе право требовать большие контрибуции и намеревались их взыскать.

Ко второй группе принадлежали государства, которые потерпели поражение в мировой войне и не могли и не хотели платить.

Создалось очень сложное положение, из которого трудно было найти выход на основе здравого человеческого рассудка и разумного соглашения.

В таких случаях, кате известно, народы начинают воевать.

Этот год был идеален для войны.

К этому времени война казалась, в особенности для первой группы, очень заманчивой, так как она несомненно была бы последней войной.

Гарантией этому могли послужить единогласные утверждения статистиков и социологов, которые были согласны, в том, что после этой войны едва ли останется достаточное количество здоровых производителей, необходимых для возрождения человеческой расы.

Не использовать такого шанса было бы, конечно, преступным легкомыслием со стороны политиков, дипломатов и генералов, которые за последние годы нюхали порох только на маневрах и наслаждались воспоминаниями о «великой эпохе» (1914 — 1918 гг.).

Но для войны нужны деньги. А для денег — война.

Очевидно, что ни генералы не могли обойтись без Дицци, ни Дицци — без генералов.

Начались переговоры между Лондоном, Парижем, Вашингтоном и Радиополисом по поводу военного займа в пятьдесят миллиардов долларов.

Главное участие в этом займе должна была принять компания Томаса Герна.

Главным директором треста Дицци было обещано крупное комиссионное вознаграждение, если им удастся склонить своего шефа к участию в концерне банкиров, который должен был доставить потребные пятьдесят миллиардов.

Главные директора великодушно уступили уговорам.

Виды на международный заем казались очень благоприятными. Каждый был убежден, что шеф герновских предприятий сумеет учесть все возможности барыша и покроет, по крайней мере, треть займа.

Но расчеты делались без хозяина.

Перед самым заседанием центрального правления, на котором в присутствии шефа должны были обсуждаться условия займа, а Дицци должен был объявить о своей готовности вступить в финансовый концерн — Дицци вдруг заупряился.

Совершенно так же, как тогда, в жаркий июльский день, на ферме Силаса Герна.

Заседание было отменено. На биржах Нью-Йорка, Лондона и Парижа царил неслыханный паника. Множество фирм объявили банкротство.

Многие банкиры покончили самоубийством.

Необходимо было принять особые меры, чтобы уговорить Дицци. Но кто это мог сделать?

Наконец, вспомнили о мистере Фитцпатрике, единственном члене администрации, пользовавшемся симпатией шефа (о

содействии со стороны мистрисс Маджори Ван-Кортен нечего было и думать).

Бывший деревенский простак превратился между тем в хитрого и энергичного дельца.

Оказалось, что Фитцпатрик проявил за это время большую любознательность.

Он уже не думал о том, чтобы беспрекословно выполнять чужие приказания, но постоянно спрашивал:

«Зачем? Для какой цели? В чем дело?»

От него ничего нельзя было утаить. Не оставалось ничего другого, как сделать его участником в прибыли. И поделить с ним комиссионные.

Мистер Фитцпатрик, поразительно быстро привыкший к текущим счетам и чекам, согласился на все.

Его план, как уговорить Дицци, оказался вполне целесообразным.

В течение трех дней Дицци, под предлогом простуды, не водили гулять и посадили на голодную диету, то-есть давали ему два кочна цветной капусты в день.

На третий день, с разрешения домашнего врача, Фитцпатрик протянул Дицци пучок сена.

У каждого свои слабости. Даже Дицци не был свободен от них.

Он сдался.

12. Все в сборе

Когда герцог Монморанси за пятнадцать минут до начала заседания центрального правления доложил своему, шефу о Фитцпатрике, Дицци находился в том состоянии беззаботного легкомыслия, которое свойственно всем выздоравливающим, после того как они вернулись к нормальному образу жизни.

Дицци выражал свое хорошее настроение громким радостным ржанием.

Настроение Дицци передалось всем присутствующим, от главных директоров до газетных корреспондентов, которые непрерывно дежурили в коридорах.

Поток радиogramм во все концы мира поднял фонды и акции на небывалую высоту. Лондонские и Нью-йоркские газеты отмечали: настроение устойчивое, курс подымается.

При таких условиях состоялся выход Дицци на большое заседание генерального правления.

Было ли это подстроено администрацией или произошло само собой, дан инстинктивное выражение торжественности момента

— во всяком случае несомненно, что Радиополис, а может быть и весь мир еще никогда не видал подобного зрелища.

Профессор Вудсток, находившийся в толпе зрителей и наблюдавший выход Дицци из ворот его дворца, вспомнил, по этому случаю, религиозные процессии египетских жрецов в честь разлившегося Нила.

По этому поводу профессор Вудсток сообщил одному из своих слушателей свое мнение о круговом движении культур и аналогиях между историческими эпохами.

Дицци весело вбежал в зал генерального собрания, остановился посередине и заржал медленно и выразительно, что напомнило всем присутствующим звуки военных труб.

Один из наиболее одаренных корреспондентов, с самого рассвета отмечавший подробности исторического дня, записал следующее:

«В обращении шефа Герновского акционерного общества звучала полная уверенность представителя правого дела и твердая воля не только начать борьбу во имя демократии и принципов цивилизации, но и довести ее до победного конца.

Все присутствующие были глубоко проникнуты серьезностью момента, который должен был положить конец безнаказанным выступлениям европейских коммунистов, насмехающихся над всеми международными обязательствами и над всяким правом».

Тем не менее, перед зданием генерального собрания были расставлены конные жандармы, подобные бронзовым статуям. Позади них артиллеристы возились со световыми пулеметами, устанавливали станки, проверяли затворы.

Эти меры предосторожности были приняты на случай беспорядков, так как со стороны рабочих ожидали демонстраций против войны.

У всех радиоприемников сидели корреспонденты и принимали или отправляли телеграммы.

Уже сообщали о концентрации англо-американского воздушного флота в его главных базах: Саутгемптон, Шпицберген, Аляска, Мальта и так далее.

Англо-американские радиостанции получили приказ изолировать все радиоволны, передававшие мятежные призывы к общей забастовке, с которыми Берлин, Вена, Москва и Ленинград обращались к американским рабочим.

Несмотря на напряженность общего положения, заседание протекало необыкновенно спокойно.

Дицци на своем председательском месте покачивал головой и, как хорошо дисциплинированное животное, спокойно ожидал момента, когда его отпустят домой.

Ни одно предложение генерального правления не встретило противодействия с его стороны.

Директора подписали протокол заседания, открывавший англо-американскому военному союзу кредит в размере пятидесяти миллиардов.

С быстротой ветра переходила эта новость от одного корреспондента к другому. Приготовленный для этого момента оркестр начал поочередно играть английский и американский гимны.

В резком противоречии с этой музыкой, доносились звуки «Интернационала». Кто-то позабыл выключить радиоприемник главной станции, из которого звучали мелодии московского митинга.

В большом корреспондентском зале ликование достигло своего высшего пункта. Корреспонденты бросались на шею генералам воздушного флота и дипломатам. Последние принимали поздравления со сдержанным достоинством.

Огромная толпа рабочих собралась перед зданием центрального правления.

Офицеры уже отдали команду «готовиться», конные жандармы уже разъехались в стороны, чтобы очистить место световым пулеметам.

Рабочие явились объявить генеральную забастовку против войны.

По совету Фитцпатрика им разрешили прислать делегацию.

Каково же было удивление собравшихся, когда в числе делегатов они увидели инженера Робура.

Декларация делегатов была прочтена инженером Робуром.

Затем он продолжал:

«Господа! Вероятно наука еще ни разу не выступала в таком тесном контакте с рабочим классом, как сегодня.

Я всегда сомневался в существовании таких сентиментальных вещей, как совесть, человеколюбие, честь, но я всегда верил в здравый человеческий рассудок.

К сожалению, я должен признать, что вы разрушили даже и эту мою веру.

Временами мне казалось, что я — здоровый человек, насильственно заключенный в сумасшедший дом.

Я потерял веру в то, что человеческое общество руководствуется разумом. Я пришел к убеждению, что конечная цель вашего общественного строя — самоуничтожение, а его движущая сила — эгоизм.

Этот эгоизм уничтожает тех, кто не подчиняется ему безусловно, и отравляет человеческое сознание.

Еще год тому назад я думал, что наша земля является единственным нарушителем мировой гармонии, и готовился ее уничтожить.

Но потом я понял, что этот диссонанс может быть исправлен, если я применю свое изобретение, как средство для местного излечения.

Один и тот же яд может убить и спасти.

Все зависит от дозы.

Я решил применить мое средство сначала в ограниченной мере. Вы видите этот ящичек¹. Он содержит изобретенный мной «Энергетический конденсатор». Я открываю ящичек. Вы видите этот масштаб, разделенный на сто градусов. Этот ящичек снабжен картой. Находим Нью-Йорк... Зона 3. В этой же зоне находится Вальстрийский квартал. Вы видите цифру 5. Помножим 3 на 5. Даже по вашей капиталистической логике получится 15. Я поднимаю рычаг до 15 градуса и нажимаю кнопку. Так».

Инженер Робур помолчал минуту, затем чрезвычайно любезно обратился к одному из корреспондентов с просьбой запросить Нью-Йорк.

Две минуты царило беззвучное молчание, но эти две минуты продолжались целую вечность.

Корреспондент вернулся мертвенно-бледный, и некоторое время не мог произнести ни слова.

Затем он прошептал со взглядом непостижимого ужаса.

— В Нью-Йорке царит паника, никто не понимает, что случилось... Вальстриг обрушился... Они думают, что это землетрясение.

¹ До тех пор, пока автор изображает буржуазное общество, он находит нужные слова и краски. Но как только дело доходит до классовой борьбы и социального переворота, автор становится наивным. Классовая механика мировой революции для него темна. Редакция оставляет на совести автора странный способ устраивать мировую революцию при помощи ящичков с «энергетическими конденсаторами».

Редакция

— Это не землетрясение,— сказал Робур спокойным голосом. — Наука не знает точно локализованных землетрясений.

Это не землетрясение, это — мой энергетический конденсатор.

Господа! Мне остается сказать немного.

Если этот протокол, который вы только-что подписали, не будет тотчас же уничтожен, та ни один из вас, ни один из ваших друзей в Нью-Йорке и Лондоне не останется в живых. Ваши флоты и пушки в Саутгемптоне, Лондоне, на Шпицбергене и Аляске, где бы они ни были, будут мною превращены в пыль.

Если вы в этом сомневаетесь, потрудитесь взглянуть в окно.

Директора преодолели страх, подошли к окну и увидели собственными глазами, как одна из пулеметных батарей медленно опустилась на землю, словно превратившись в пыль.

Тогда началось нечто неопишное. Директора, корреспонденты, генералы, дипломаты бросились через столы и стулья к выходу.

Через несколько минут, кроме Дицци, Робура и Марион, в зале не осталось никого.

Забытый протокол лежал на столе, как никому ненужный клочок бумаги.

Робур подошел к столу, взял протокол, перелистал его, засмеялся, разорвал документ и ушёл.

И вот Дицци остался один. В первый раз за много лет.

Это было и ново и приятно. Дицци слез с председательского места и понюхал зеленый стол. Запах не оказал на него никакого действия. В одном углу залы у трибуны стояли две кадки с олеандрами.

Дицци осторожно сорвал несколько листочков. Они были безвкусны. Дицци начинал скучать. Он не знал, что бы ему предпринять. Большие двери в залу были широко открыты. После

некоторого колебания, внимательно осмотревшись, Дицци приблизился к выходу.

На площадке он стал смелее и быстро побежал в сад.

Он увидел огромную толпу рабочих герновских предприятий, проходивших с красными флагами. Они возвращались в свое селение с пением «Интернационала».

Звуки этой песни были Дицци неизвестны. Его ухо привыкло только к патриотическим напевам. Новизна мелодии вернула Дицци в состояние нерешительности.

Он остановился и долго смотрел вслед уходящим. Потом он пришел в себя и привычным шагом протрусил к вилле Томаса Герна.

Дорога шла мимо его старой конюшни.

О, блаженство. Двери были широко открыты. Изнутри струился честный, знакомый запах сена.

И Дицци вернулся к родным пенатам.

ГИДОНИ
АЛЕКСАНДР ИОСИФОВИЧ

(1885—1943)

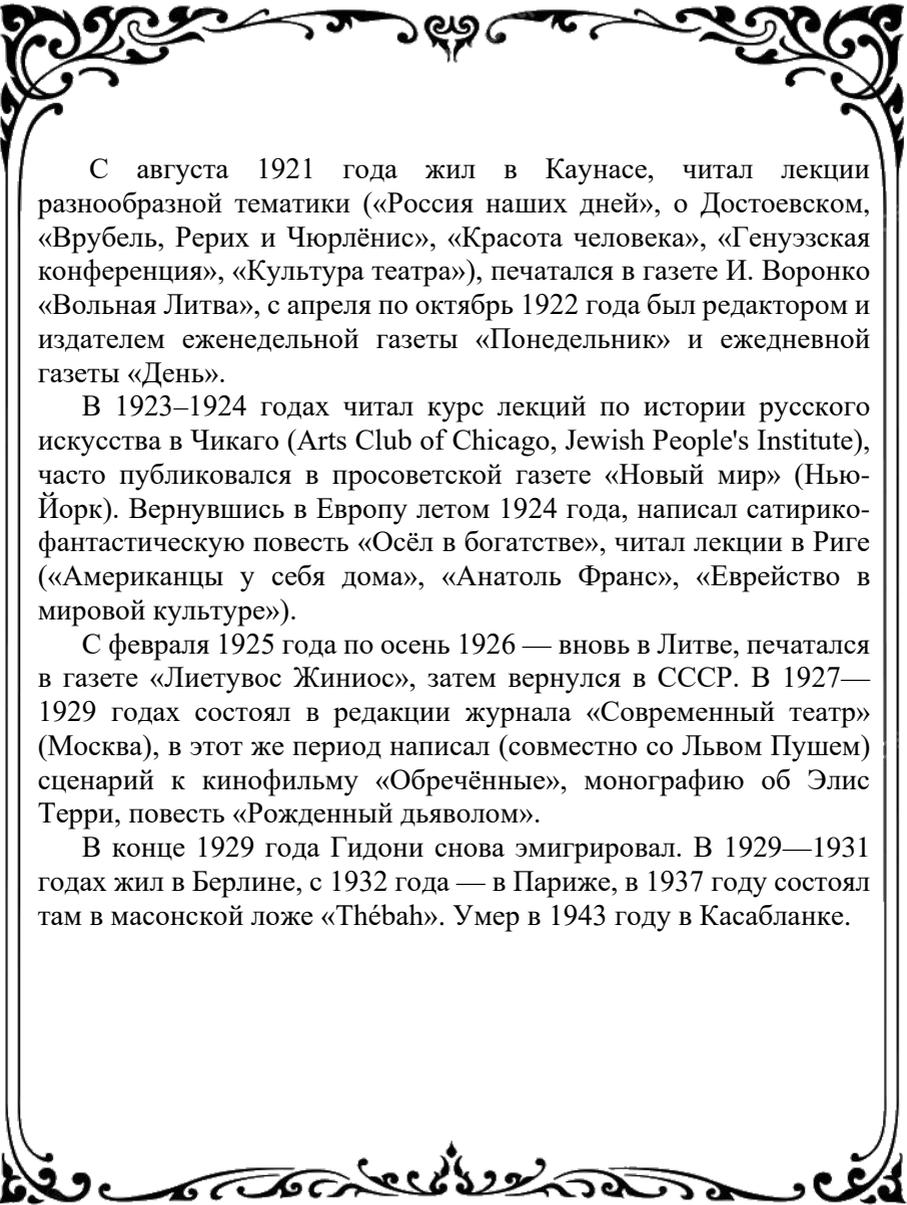
Филипп Александр Иосифович Гидони (5 [17] апреля 1885, Санкт-Петербург — 1943, Касабланка) — русский искусствовед, художественный критик, драматург, прозаик.

Родился 5 (17) апреля 1885 года в Санкт-Петербурге, в семье ковенского мещанина, кандидата права Иосифа Хаимовича Гидони (1861—1916) и его жены Хаи-Гуты Гиршевны (в девичестве Орелович; 1865—1925). Окончил Ковенскую мужскую гимназию, в 1904 году поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1905 году принимал активное участие в революционном движении, выступая на студенческих митингах, публиковал эпиграммы в сатирических журналах «Стрелы» и «Зритель». В начале 1906 года подвергся тюремному заключению, позже жил в эмиграции в Швейцарии.

С осени 1906 года по 1909 год продолжил обучение в Петербургском университете. В эти годы был деятельным участником «Кружка молодых», кружка «Реалисты», устроитель «общественных судов», редактор (совместно с Ю. Б. Кричевским) журнала «Студенчество», посетитель «башни» Вяч. Иванова.

По окончании университета помощник присяжного поверенного, литератор, участник «сред» Н. В. Дризена, завсегдатай «Бродячей собаки». Печатался в журналах «Аполлон», «Театр и искусство», «Новый журнал для всех», других изданиях, автор монографий о Н. Рерихе и О. Родене, а также ряда пьес и сценария к кинофильму «Кровь неотмщённая».

В 1919–1921 годах – в Петрограде. Выступал с лекциями («Люди и страсти революции», «Интеллигенция и Россия», цикл «Сумерки религиозного сознания»), участвовал в деятельности «Вольной философской ассоциации», вместе с братом художником Г. Гидони, В. Пястом, С. Ольденбургом, Э. Голлербахом организовывал «Общество по изучению западной культуры».

С августа 1921 года жил в Каунасе, читал лекции разнообразной тематики («Россия наших дней», о Достоевском, «Врубель, Рерих и Чюрленис», «Красота человека», «Генуэзская конференция», «Культура театра»), печатался в газете И. Воронко «Вольная Литва», с апреля по октябрь 1922 года был редактором и издателем еженедельной газеты «Понедельник» и ежедневной газеты «День».

В 1923–1924 годах читал курс лекций по истории русского искусства в Чикаго (Arts Club of Chicago, Jewish People's Institute), часто публиковался в просоветской газете «Новый мир» (Нью-Йорк). Вернувшись в Европу летом 1924 года, написал сатирико-фантастическую повесть «Осёл в богатстве», читал лекции в Риге («Американцы у себя дома», «Анатоль Франс», «Еврейство в мировой культуре»).

С февраля 1925 года по осень 1926 — вновь в Литве, печатался в газете «Лиетувос Жиниос», затем вернулся в СССР. В 1927—1929 годах состоял в редакции журнала «Современный театр» (Москва), в этот же период написал (совместно со Львом Пушем) сценарий к кинофильму «Обречённые», монографию об Элис Терри, повесть «Рожденный дьяволом».

В конце 1929 года Гидони снова эмигрировал. В 1929—1931 годах жил в Берлине, с 1932 года — в Париже, в 1937 году состоял там в масонской ложе «Thébah». Умер в 1943 году в Касабланке.

ИСТОЧНИКОВАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Дици: Повесть 1950 года. - [Харьков] : Юношеск. сектор изд-ва "Пролетарий", 1925.

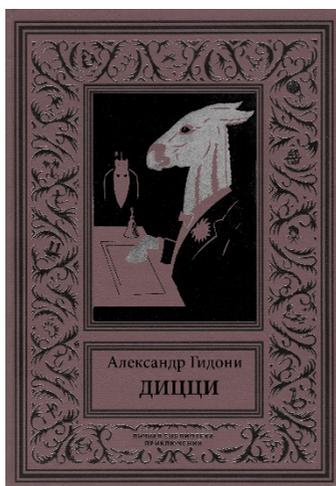
СОДЕРЖАНИЕ

Дици	4
Биография	82
Библиография	85

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

LEO